

Екатерина
Мордвинцева

Двое в капсуле,
не считая робота

Екатерина Мордвинцева

Двое в капсуле, не считая работа

<https://litres.ru/74211469>

Аннотация

Он — капитан с легендарным невезением, чью карьеру преследуют катастрофы. Она — лучший пилот-спасатель, дочь адмирала, которой вечно приходится доказывать, что она не «папина дочка». Их встреча — случайность, которая должна была закончиться стандартным спасением и скучным рапортом. Но когда твой корабль пожирает разумная мыльная пена, а на хвосте висят космические пираты, стандартные сценарии отменяются. Теперь им придётся выживать вдвоём в тесной капсуле, делить последний батончик и, кажется, между ними проскакивает нечто большее, чем искры от замкнувшей проводки. Но успеют ли они разобраться в своих чувствах до того, как очередная аномалия отправит их в открытый космос без скафандров?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	43
Глава 5	55
Глава 6	68
Глава 7	76
Глава 8	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Глава 1

Капитан Райан Блэквуд смотрел на мостике «Непобедимого» в иллюминатор и в двадцатый раз за смену задавался вопросом: какого черта он вообще согласился на эту работу?

За иллюминатором простиралась бескрайняя чернота космоса, усыпанная алмазной крошкой далеких звезд. Картинка, от которой у туристов перехватывало дыхание, у пилотов вызывала профессиональный интерес, а у Райана — стойкое желание зевнуть. Сектор Йотта-9, патрульный маршрут номер 37-Б. Самый скучный, самый предсказуемый, самый безопасный сектор во всей Федерации. Здесь даже метеориты не летали, потому что им, видите ли, было скучно.

— Капитан, — раздался голос старпома Лопеса от пульта сенсоров. — Час прошел. Ничего не изменилось. По-прежнему пусто.

— Спасибо, Лопес, — Райан усмехнулся в усы. — Ты меня очень обнадежил. Продолжай наблюдать. Вдруг появится космический кирпич?

— Есть, сэр. Космический кирпич — наша главная опасность.

Райан поправил форменный китель, который сидел на нем как влитой, и провел рукой по темным волосам, уложенным так, словно он только что вышел от парикмахера, а не провел

в кресле шесть часов. В свои тридцать два он выглядел как типичный герой голографических сериалов: волевой подбородок, внимательные серые глаза, легкая небритость ровно настолько, чтобы подчеркнуть мужественность, но не скатиться в неряшливость. Женщины на базах при виде него теряли дар речи, а потом находили обратно, чтобы сказать: «Какой же ты, наверное, зануда, Блэквуд».

И они были недалеко от истины.

— БАРМ, — обратился Райан к роботу, застывшему в углу мостика с видом механического сфинкса. — Сделай кофе. Настоящего. Не ту бурду, которую ты варил вчера.

Боевой Автономный Робот-Мурлыка, или сокращенно БАРМ, ожил. Его оптические сенсоры загорелись теплым желтым светом, а динамик издал звук, подозрительно похожий на вздох обиженного кота.

— Капитан, вчерашний кофе был приготовлен по стандартному флотскому регламенту 34-2-А. «Бодрость утренняя». Восемь граммов молотых зерен, вода температуры 95 градусов, три минуты настаивания, — отчеканил робот, направляясь к кофемашине. — Если бы организмы членов экипажа не были такими привередливыми, я бы предложил перейти на питательный раствор номер 5. Он содержит все необходимые микроэлементы и экономит бюджет.

— БАРМ, если я еще раз услышу про питательный раствор, я отправлю тебя чистить туалеты на грузовом транспорте, — беззлобно отозвался Райан. — Кофе должен радо-

вать, а не существовать. Это философия.

— Философия не входит в список моих базовых функций, — проворчал БАРМ, но кофе принялся варить с энтузиазмом, на который только был способен. В тишине мостика раздалось приятное урчание кофемашины.

Навигатор, младший лейтенант Джин Пак, оторвалась от своего планшета. Ей было двадцать три, и она все еще считала службу в космосе романтикой, в отличие от выдавших виды ветеранов вроде Лопеса.

— Капитан, а правда, что вы отказались от командования новейшим эсминцем «Буря», чтобы остаться здесь, на «Непобедимом»? — спросила она с искренним любопытством.

Райан внутренне поморщился. Легенда о благородном капитане, который предпочел старую, но надежную посудину новой блестящей игрушке, гуляла по флоту уже месяц. Жаль только, что правда была прозаичнее.

— Правда, лейтенант, — кивнул он с каменным лицом. — «Буря» — корабль неуклюжий, капризный. А «Непобедимый»... — он похлопал по подлокотнику кресла, — выдержал уже три серьезных столкновения и ни разу не подвел.

Лопес хмыкнул в микрофон внутренней связи так, чтобы слышал только капитан. Лопес знал правду. Райан отказался от «Бури», потому что в последний момент выяснилось, что на этой же базе будет служить его бывшая жена, с которой развод был таким громким, что до сих пор эхом отдавал-

ся в семейных судах трех систем. Райан предпочел позорное бегство в скуку Йотты-9 встрече с разъяренной экс-супругой. Карьера карьерой, а инстинкт самосохранения никто не отменял.

— Кофе готов, капитан, — БАРМ протянул механической рукой дымящуюся кружку. На ней красовалась надпись: «Лучшему капитану галактики. Куплено на распродаже».

— Где ты это взял? — Райан принял кружку, с подозрением разглядывая потертые буквы.

— Приобрел на станции «Вега-7» три года назад, сэр. Предчувствовал, что вы станете лучшим. Или что скидка была шестьдесят процентов. Модули прогнозирования дают сбой, — БАРМ моргнул огоньками.

Райан сделал глоток. Кофе оказался... приемлемым. Даже вкусным. Видимо, угроза туалетами подействовала.

— Капитан! — голос Лопеса внезапно утратил сонные интонации. — Сенсоры фиксируют что-то странное. По вектору 7-8.

— Конкретнее, Лопес, — Райан мгновенно собрался, поставил кружку на подлокотник. — Пираты? Контрабандисты? Космический кирпич все-таки объявился?

— Никак нет, сэр. Это... это похоже на... пузыри.

В тишине мостика повисла пауза. Джин Пак перестала дышать. БАРМ издал звук, похожий на сбой жесткого диска.

— Лопес, — медленно произнес Райан, вставая с кресла.

— Ты сказал «пузыри»? В космосе?

— Так точно, сэр. Пузыри. Огромные. Переливающиеся. Они... они движутся к нам.

Райан подошел к главному голографическому экрану, где Лопес уже вывел картинку с внешних камер. То, что он увидел, заставило его на секунду усомниться, не подмешал ли БАРМ чего-то покрепче в утренний рацион.

Прямо по курсу «Непобедимого» пространство... пузырилось. Огромные, размером с небольшой астероид, полупрозрачные сферы отделялись от... от чего? От пустоты? Они переливались всеми цветами радуги, лениво покачивались в невесомости и, кажется, размножались, выпуская из себя сферы поменьше.

— Это похоже на мыльную пену, — прошептала Джин Пак. — Гигантскую космическую мыльную пену.

— БАРМ, — Райан старался, чтобы голос звучал спокойно. — Анализ.

Робот молчал пять секунд, что для его процессоров было эквивалентно человеческому «офигеть».

— Состав определить не удастся, капитан. Объекты не отражают стандартные сенсорные сигналы. Они... поглощают их. Или превращают в радугу. Сканирование показывает нулевую плотность, но при этом визуально объекты существуют. Это нарушает минимум двенадцать законов физики, сэр.

— Физика, видимо, взяла выходной, — пробормотал Райан, разглядывая приближающееся великолепие. — Лопес,

курс отклонения. Уводи нас от этого... мыла.

— Есть, сэр! — Лопес застучал по панели. — Курс отклонения проложен. Меняем траекторию.

«Непобедимый» плавно начал разворот, собираясь обойти аномалию по широкой дуге. Но пузыри, словно почувствовав, что добыча ускользает, ускорились. Они не летели, они именно перетекали в пространстве, множились, тянулись к кораблю тонкими переливающимися нитями.

— Они реагируют на нас, — констатировал Райан. — Лопес, полный вперед. Уходим на максимальной.

— Полный вперед, есть! — Лопес переключил рычаги. Двигатели «Непобедимого» взревели, но корабль, привыкший к спокойному патрулированию, не был рассчитан на гонки.

Пузыри настигали. Огромная радужная масса накрыла корму корабля, и в ту же секунду системы взвыли дурными голосами.

— Потеря связи с кормовыми сенсорами! — закричал Лопес. — Двигатели выдают сбой! Капитан, они... они забивают сопла!

Райан рванул к пульту управления, врубая аварийные протоколы. Корабль тряхнуло так, что Джин Пак вылетела из кресла и, не удерживая ее страховочные ремни, вписалась бы в переборку. БАРМ, сохраняя невозмутимость, но с легким дребезжанием в сервоприводах, подал голос:

— Капитан, рекомендую прекратить сопротивление. Ве-

роятность того, что мы имеем дело с разумной формой жизни, составляет шестьдесят четыре процента. Если это мыло разумное, мы его оскорбляем.

— Я не собираюсь вести переговоры с мыльной пеной, БАРМ! — рывкнул Райан, врубая форсаж. — У нас приказ — защищать сектор!

— Мы защищаем сектор от пузырей? — уточнил Лопес, в голосе которого зазвенели истерические нотки. — Капитан, я подписывался на патрулирование, а не на войну с «Мистером Пропером»!

«Непобедимый» дернулся еще раз, сильнее. Свет на мостике замигал, переходя на аварийный красный.

— Капитан, нас засасывает! — закричала Джин Пак.

Райан выглянул в иллюминатор. То, что он увидел, не поддавалось описанию. Пузыри окружили корабль со всех сторон, образуя гигантский кокон. Радужные стены пульсировали, переливались, и в их глубине Райану померещились... лица? Узоры? Или просто игра света?

— Всем приготовиться к столкновению с неизвестностью, — скомандовал он, вцепившись в подлокотники кресла. — БАРМ, передай сигнал бедствия. Пусть знают, что мы погибли не от рук доблестных врагов, а утонули в гигантском флаконе шампуня.

— Сигнал отправлен, капитан, — отозвался БАРМ. — Текст: «Здесь капитан... корабль... того... короче, заберите меня, красивого!». Я позволил себе добавить небольшую до-

лю юмора, чтобы привлечь внимание спасателей. Статистика показывает, что сообщения с иронией обрабатываются на три процента быстрее.

Райан хотел что-то сказать, но не успел.

Корабль провалился внутрь пузыря. Мир вокруг потерял очертания, превратился в бесконечный радужный тоннель, где прошлое, настоящее и будущее смешались в причудливом хороводе. Гравитация отключилась, потом включилась снова, но вверх ногами. Джин Пак повисла на ремнях, ругаясь на трех языках. Лопес вцепился в пульт, его лицо было сосредоточенным и бледным. А Райан смотрел, как за иллюминатором проплывают звезды, искаженные, вытянутые, похожие на акварельные кляксы.

— Красиво, — неожиданно для самого себя сказал он. — Черт возьми, это просто невероятно красиво.

— Капитан, у вас шок, — констатировал БАРМ. — Рекомендую дышать глубже. Или не дышать. Для космоса это не принципиально.

Внезапно тряска прекратилась. Корабль замер. Пузыри за иллюминатором застыли, превратившись в гигантский переливчатый кокон, сквозь который едва угадывался свет далеких звезд. Тишина на мостике стояла звенящая.

— Целы? — голос Райана прозвучал на удивление спокойно.

— Кажется, да, — отозвался Лопес, проверяя показатели. — Системы жизнеобеспечения в норме. Двигатели... двига-

тели молчат. Мы в ловушке, капитан.

— Ну что ж, — Райан откинулся в кресле и вдруг широко улыбнулся. — Господа, поздравляю. Мы только что стали первыми людьми, которых съела космическая мыльная пена. Представляете, что напишут в учебниках истории? «Капитан Блэквуд и команда погибли, намылившись до смерти».

Джин Пак нервно хихикнула. Лопес покачал головой и тоже не сдержал улыбки.

— БАРМ, — продолжил Райан, — а ты, я смотрю, уже освоился. «Заберите меня, красивого»? Серьезно?

— Это была попытка разрядить обстановку, сэр, — с достоинством ответил робот. — К тому же, это чистая правда. Вы объективно привлекательны для большинства гуманоидных форм жизни. Если, конечно, эти пузыри окажутся гуманоидами с хорошим вкусом.

— С хорошим вкусом? — переспросил Лопес. — БАРМ, нас только что переварили!

— Мы еще не начали перевариваться, старпом, — поправил его робот. — Пока мы просто в желудке. Процесс может занять от нескольких часов до нескольких дней. Рекомендую занять очередь.

Райан расхохотался. Громко, искренне, от души. Нервы сдавали, но смех был лучшим лекарством. Команда смотрела на капитана с удивлением, но постепенно напряжение отпусало.

— Ладно, — сказал Райан, вытирая выступившие слезы.

— Шутки шутками, а выбираться надо. Лопес, проверь все системы. Джин, свяжись со мной через час, если что-то изменится. БАРМ... БАРМ, просто продолжай быть собой. Твой оптимизм заразителен, хоть и собран на заводах.

— Есть, капитан! — хором ответили Лопес и Джин.

— Слушаюсь, сэр, — отозвался БАРМ. — Я буду охранять ваш кофе. Если пузыри полезут внутрь, я предложу им попробовать питательный раствор номер 5. Говорят, он отбивает аппетит у кого угодно.

Райан еще раз окинул взглядом мостик, залитый аварийным красным светом, перевел взгляд на радужную мглу за иллюминатором и подумал: «Ну почему, почему всякая чертовщина случается именно со мной? То жена скандалит, то корабли тонут, то мыльная пена нападает. Может, я в прошлой жизни был кометой и наломал дров?»

— БАРМ, — позвал он, уже собираясь уйти в каюту.

— Да, капитан?

— Тот кофе... он действительно был вкусным. Спасибо.

Оптические сенсоры робота вспыхнули ярче.

— Рад стараться, сэр. Философия — штука сложная, но кофе я, кажется, начинаю понимать.

Райан кивнул и вышел с мостика. Впереди была неизвестность, опасность и, как подсказывала интуиция, большие неприятности. Но где-то там, далеко, на спасательном крейсере «Надежда», девушка по имени Ева как раз допивала свой утренний кофе и заказывала булочку к завтраку, еще

не зная, что через несколько часов получит сигнал бедствия от капитана, который называет себя «красивым».

А пока пузыри переливались, «Непобедимый» висел в радужном плену, а капитан Райан Блэквуд, лучший неудачник галактики, готовился к самому необычному приключению в своей жизни.

Начиналось веселье.

Глава 2

Райан Блэквуд не выспался. Это было привычным состоянием для капитана дальнего патрулирования, но сегодня к обычной усталости примешивалось острое чувство недоумения. Он сидел в своём кресле на мостике, сжимал в руках вторую за утро кружку кофе и смотрел на показания сенсоров с выражением лица человека, которому только что сообщили, что дважды два — это пять, а Луна сделана из сыра.

— Лопес, — позвал он негромко. — Ты уверен, что калибровка сенсоров проводилась перед вылетом?

Старпом обернулся. Под глазами у него залегли тени, которых ещё вчера не было. Лопес не спал всю ночь, пытаясь понять, что происходит с кораблём.

— Абсолютно уверен, капитан. Я лично проверял. Но сейчас... — он ткнул пальцем в голографическую панель, — сейчас эти данные не просто ошибочны. Они бессмысленны.

Райан подошёл ближе. На экране сенсоров «Непобедимо-го» разворачивалась картина, от которой у любого инженера случился бы когнитивный диссонанс.

— Расстояние до ближайшей звезды, — зачитал Лопес, — по данным гравиметров — ноль целых три десятых светового года. По данным оптических сенсоров — два парсека. По данным радара — минус пятьсот метров.

— Минус пятьсот? — переспросил Райан.

— Именно, сэр. Мы находимся на отрицательном расстоянии до звезды. То есть... мы внутри неё? Или она внутри нас? Я уже ничего не понимаю.

— БАРМ! — позвал Райан.

Робот выкатился из своего зарядного угла. Его движения были плавнее обычного, а оптические сенсоры пульсировали мягким голубым светом.

— Слушаю, капитан.

— Ты можешь объяснить, что происходит с нашими приборами?

БАРМ замер на секунду, обрабатывая запрос. Потом выдал:

— С высокой долей вероятности, сэр, наши приборы сошли с ума. Либо под воздействием внешней среды, либо по причине коллективного помешательства. Я склоняюсь к первому варианту, хотя второй нельзя исключать, учитывая, что экипаж не спал восемь часов и находится в состоянии стресса.

— Наши приборы не могут сходить с ума, — отрезал Райан. — Они машины.

— Капитан, — в голосе робота послышались нотки, подозрительно похожие на обиду, — я тоже машина. И я себя чувствую... странно.

Райан резко обернулся. Он всмотрелся в оптические сенсоры БАРМа. Голубой свет пульсировал ритмично, но в этом ритме угадывалась какая-то неправильность, словно робот

пытался подстроиться под частоту, которой не существовало в природе.

— Что значит «странно»?

— Я не могу точно сформулировать, сэр. Мои процессы работают в штатном режиме, диагностика не фиксирует ошибок, но... — БАРМ сделал паузу. — Мне кажется, что за мной кто-то наблюдает. Изнутри.

Джин Пак, сидевшая за навигационной консолью, нервно хихикнула.

— Роботу кажется? БАРМ, у тебя галлюцинации?

— У роботов не бывает галлюцинаций, лейтенант, — с достоинством ответил БАРМ. — У роботов бывают сбои в матрице восприятия. Но диагностика не фиксирует сбоев. Это и есть самое странное.

Райан потер переносицу. Голова начинала болеть с утра пораньше — верный признак того, что день снова не задался.

— Ладно, — сказал он, принимая волевое решение. — Игнорируем показания приборов. Переходим на визуальное наблюдение. Лопес, что видно в иллюминатор?

Лопес развел руками.

— Ничего нового, капитан. Мы внутри радужного пузыря. Стены переливаются, звезды искажены. Но... есть одно «но».

— Какое?

— Мне кажется, или пузырь... дышит?

Все уставились в главный иллюминатор мостика. Радужная мембрана за стеклом действительно пульсировала. Мед-

ленно, ритмично, словно гигантское лёгкое. С каждым вдохом пространство внутри пузыря сжималось, с каждым выдохом — расширялось.

— Оно живое, — прошептала Джин Пак. — Капитан, эта штука живая.

— Я уже понял, — Райан старался сохранять спокойствие, хотя внутри всё холодело. — Вопрос в том, что ему надо.

— Возможно, оно пытается нас переварить, — предположил Лопес. — Как амёба.

— Амёбы не питаются металлом и пластиком, — возразил Райан.

— А вдруг у него несварение? — нервно пошутил Лопес. В этот момент корабль тряхнуло. Легко, словно кто-то постучал по корпусу изнутри пузыря. А потом тряхнуло снова — сильнее.

— Контакт! — закричал Лопес, хватаясь за пульт. — Что-то касается корпуса!

— БАРМ, камеры! — скомандовал Райан.

Робот мгновенно вывел на главный экран изображение с внешних камер. То, что они увидели, заставило Джин Пак вскрикнуть, Лопеса выругаться, а Райана — вцепиться в подлокотники кресла так, что побелели костяшки.

По поверхности «Непобедимого» текли радужные шупальца. Они появлялись из ниоткуда, материализуясь прямо из стен пузыря, и медленно, ощупываяще ползли по обшивке. Там, где они касались металла, оставались переливчатые

разводы, похожие на мыльную плёнку.

— Оно нас трогает, — выдохнул Лопес. — Оно нас... лапает!

— Спокойно, — Райан поднялся. — Никакой паники. Мы не знаем, агрессивно ли оно. Возможно, это просто способ изучения.

— Капитан, — голос БАРМа прозвучал непривычно тихо. — Мои сенсоры фиксируют изменение состава атмосферы внутри корабля.

— Что значит «изменение»?

— Концентрация кислорода падает. Появляются примеси... метана? Сероводорода? Это похоже на... пищеварительные газы, сэр.

Райан почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Ты хочешь сказать, что нас переваривают?

— Это пока не точно, сэр, но динамика процессов соответствует начальной стадии пищеварения у кишечнорастворимых форм жизни. Если проводить аналогии с земной фауной, мы находимся в желудке существа, которое начало выделять ферменты.

— Ферменты? — Джин Пак побледнела. — Нас растворяют?

— Не сразу, лейтенант, — успокоил её БАРМ. — Металл переваривается дольше, чем органика. Вероятно, сначала существо попытается добраться до органических составляющих экипажа. То есть до нас.

Райан на мгновение закрыл глаза. «Везение», подумал он. Моё легендарное везение. Мало мне было скандального развода и карьерных неудач, теперь я ещё и обедом для космической амёбы стану.

— У нас есть оружие? — спросил он, открывая глаза.

— Лазерные турели, сэр, — доложил Лопес. — Но смогут ли они пробить эту... субстанцию?

— Есть только один способ проверить, — Райан шагнул к пульту управления вооружением. — Активирую ближнюю турель. Цель — щупальце на корме.

Он нажал кнопку. За иллюминатором полыхнуло — лазерный луч ударил в радужный отросток. И... ничего не произошло. Луч просто исчез, поглощённый переливчатой поверхностью, даже не оставив следа.

— Без эффекта, — констатировал Лопес. — Оно поглощает энергию.

— А если плазмой? — предложила Джин Пак.

— Плазма — та же энергия, — покачал головой Райан. — Будет тот же результат.

Щупальца тем временем продолжали ползти. Одно из них доползло до иллюминатора мостика и застыло прямо перед стеклом. Оно было полупрозрачным, и внутри него Райан разглядел движение — какие-то тени, вспышки, переливы. На мгновение ему показалось, что в глубине щупальца проявилось лицо. Человеческое лицо, искажённое гримасой боли. Но через секунду видение исчезло.

— Вы это видели? — спросил он.

— Что, сэр? — не понял Лопес.

— Лицо. В щупальце.

Лопес и Джин переглянулись.

— Капитан, там ничего нет, — осторожно сказала Джин.

— Только радужные разводы.

Райан моргнул, прогоняя наваждение. Точно, показалось. Нервы, недосып, стресс.

— Простите, — он потёр глаза. — Наверное, переутомился.

— Капитан, — голос БАРМа прозвучал встревоженно (насколько вообще робот может звучать встревоженно). — Ваши биопоказатели резко изменились. Пульс участился, давление поднялось. Возможно, на вас воздействует среда.

— Воздействует?

— Пузырь может влиять на нервную систему, сэр. Вызывать галлюцинации, тревожность, неадекватное восприятие. Рекомендую покинуть мостик и отдохнуть.

— Я не могу отдыхать, когда нас переваривают! — рявкнул Райан, но тут же взял себя в руки. — Извини, БАРМ. Ты прав. Мне нужно собраться.

Он сделал несколько глубоких вдохов, стараясь успокоиться. Помогло слабо. Где-то в глубине сознания пульсировала тревога, нарастала, заполняла мысли. Что-то было не так. Что-то было очень, очень не так.

— Лопес, — сказал он, стараясь говорить ровно. — По-

попробуй запустить двигатели. Может, удастся вырваться.

— Пытался, сэр, — старпом выглядел виноватым. — Двигатели не реагируют. Они... они словно спят.

— Спят?

— Да, сэр. Системы показывают полную исправность, топливо есть, все узлы работают. Но команды не проходят. Будто двигатели решили взять выходной.

Райан тихо выругался. Этого ещё не хватало.

— Связь?

— Тоже молчит. Сигнал бедствия мы отправили, но подтверждения не получили. Либо нас не слышат, либо пузырь блокирует передачу.

— Значит, мы одни, — подытожил Райан. — Заперты в желудке космического монстра, без оружия, без связи, без двигателей. Прекрасно. Просто прекрасно.

Он опустился в кресло и уставился в иллюминатор. Щупальце всё ещё висело перед стеклом, медленно покачиваясь. В его переливах Райан снова заметил движение, но на этот раз решил, что это игра света.

— Капитан, — Джин Пак подошла ближе. Голос её дрожал, но в глазах читалась решимость. — Что будем делать?

Райан посмотрел на неё, на Лопеса, на БАРМа, замершего в углу с пульсирующими голубыми огоньками. Команда. Его команда. Они смотрели на него и ждали решений. Ждали, что капитан вытащит их из этой переделки.

— Для начала, — сказал он, вставая, — проведём пол-

ную инвентаризацию ресурсов. Что у нас есть из еды, воды, кислорода. Сколько мы можем продержаться. Лопес, ты займёшься системами жизнеобеспечения. Джин, проверишь все возможные каналы связи, даже самые старые. БАРМ... БАРМ, продолжай наблюдение за пузырьём. Фиксируй любые изменения.

— Есть, капитан, — ответили все трое почти хором.

Райан направился к выходу с мостика, но на пороге остановился и обернулся.

— И ещё, — добавил он. — Если кто-то заметит что-то странное — галлюцинации, необычные звуки, ощущение наблюдения — сразу докладывать. Мы не знаем, на что способна эта штука. Возможно, она пытается воздействовать на наши мозги.

— Вы думаете, она разумна? — спросила Джин.

— Я думаю, — медленно произнёс Райан, — что она голодна. А голодный разум — самый опасный.

Он вышел в коридор и направился в свою каюту. Нужно было собраться с мыслями, привести нервы в порядок, выработать план. Но мысли путались, тревога нарастала, и в ушах звучал странный, едва слышный шум, похожий на далёкий шепот.

Райан остановился посреди коридора и прислушался. Шёпот усилился. Слова? Нет, не слова. Что-то другое. Эмоции? Чувства? Он не мог понять, но от этого шума по коже бежали мурашки.

— Спокойно, — сказал он себе вслух. — Это просто нервы. Просто нервы.

Он вошёл в каюту, закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной. Каюта была маленькой, тесной, но своей. Здесь пахло знакомым, здесь было безопасно. Райан перевёл дух и подошёл к иллюминатору.

За стеклом переливалась радужная мгла. Пузырь жил своей жизнью — пульсировал, перетекал, дышал. И Райан вдруг с ужасающей ясностью осознал, что он не просто заперт внутри этой штуки. Он находится внутри живого организма. Организма, который чувствует его присутствие, изучает его, возможно, даже понимает.

— Ты меня слышишь? — спросил он вслух, обращаясь к пузырю. — Ты понимаешь, что я говорю?

Тишина. Только шум в ушах, ставший громче. И вдруг — ответ. Не слова, нет. Мысль, чувство, образ. Райан увидел себя со стороны — маленькую фигурку в тесной каюте, окружённую переливчатыми стенами. Увидел свой страх, свою тревогу, свою решимость. И почувствовал... любопытство. Огромное, всепоглощающее любопытство существа, впервые столкнувшегося с чем-то новым.

А потом — голод.

Райан отшатнулся от иллюминатора, вжимаясь в стену. Сердце колотилось как бешеное, дыхание перехватило. Это было реально. Пузырь действительно разумен. И он действительно голоден.

— БАРМ! — закричал Райан, активируя внутреннюю связь. — БАРМ, ты меня слышишь?

— Да, капитан, — отозвался робот мгновенно. — Что случилось?

— Оно разумно, БАРМ. Пузырь разумен. И оно... оно хочет есть. Нас.

Пауза. Потом голос БАРМа, спокойный, как всегда:

— Это меняет дело, сэр. Рекомендую не провоцировать его резкими движениями. И, возможно, стоит предложить альтернативный источник питания. У нас на складе есть три ящика питательного раствора номер 5. Никто не знает, из чего он сделан, но, возможно, пузырь окажется менее привередлив, чем экипаж.

Райан невольно усмехнулся. Даже в такой ситуации БАРМ умудрялся шутить. Или не шутить? С роботом никогда нельзя быть уверенным.

— Действуй, — сказал он. — Подготовь раствор к отправке. Если повезёт, пузырь наестся и отпустит нас.

— Слушаюсь, сэр. И ещё, капитан...

— Да?

— Ваше везение... оно действительно легендарно. В хорошей компании о таком рассказывают легенды. Плохие, конечно, но легенды.

Райан улыбнулся в темноте каюты.

— Спасибо, БАРМ. Ты умеешь поддержать.

— Это входит в мои дополнительные функции, сэр. При-

обреталось отдельно за 500 кредитов. Окупается, как видите.

Связь прервалась. Райан ещё раз взглянул в иллюминатор. Пузырь пульсировал, переливался, жил. Где-то там, в его глубине, блуждали образы и чувства, слишком чуждые, чтобы понять их до конца.

— Ладно, — сказал Райан сам себе. — Посмотрим, кто кого перехитрит. Я — капитан корабля Федераций, прошедший подготовку на трёх базах и выживший после двух разводов. А ты — просто мыльный пузырь. У тебя нет шансов.

Он вышел из каюты, готовый к новым испытаниям. Впереди был долгий день, полный безумия, страха и, возможно, надежды.

Начиналось самое интересное.

Глава 3

Райан бежал по коридору «Непобедимого», и корабль под его ногами кричал.

Металлические переборки вибрировали с частотой, которую не предусмотрел ни один инженер. Где-то в недрах корпуса лопались силовые кабели, выбрасывая в воздух снопы искр, от которых автоматические системы пожаротушения захлебывались пеной, не успевая справляться с новыми очагами возгорания. Аварийное освещение мигало красным, превращая коридоры в декорации дешевого фильма ужасов.

— Лопес! — закричал Райан в коммуникатор, перепрыгивая через опрокинутый ящик с инструментами. — Докладывай обстановку!

— Капитан, плохо! — голос старпома пробивался сквозь треск помех. — Пузырь начал сжиматься! Давление на корпус растет, обшивка не выдерживает! У нас пробоины в отсеках C и D!

— Экипаж?

— Эвакуируем! Джин Пак уже ведет людей к спасательным капсулам! Но вас я не вижу, сэр! Где вы, черт возьми?!

Райан свернул в переходной тоннель, ведущий к центральному посту. Металлическая решетка под ногами ходила ходуном, а за иллюминаторами, насколько хватало взгля-

да, переливалась радужная плоть пузыря. Она пульсировала быстрее, агрессивнее, сжималась вокруг корабля, словно удав вокруг кролика.

— Я на мостик, Лопес. Нужно вытянуть корабль.

— Вытянуть?! — голос старпома сорвался на фальцет. — Капитан, мы уже в глотке у этой твари! Какой, к черту, корабль?! Немедленно уходите!

— Это приказ, старпом, — отрезал Райан, вбегая в лифт, ведущий на мостик. — Забирай людей и улетайте. Я догоню.

— Райан! — впервые Лопес назвал его по имени, забыв о субординации. — Не будь идиотом!

Но связь прервалась. Лифт дернулся, застрял между уровнями, и Райану пришлось выбираться через аварийный люк, карабкаться по технической шахте, рискуя сорваться вниз с двадцатиметровой высоты.

Когда он ввалился на мостик, картина открылась апокалиптическая.

Главный голографический экран мигал рябью, показывая то радужные разводы, то искаженные до неузнаваемости лица членов экипажа, уже добравшихся до капсул. Пульт управления искрил, выбрасывая снопы голубых разрядов, от которых воздух пах озоном и горелой проводкой. А в главный иллюминатор было видно, как стены пузыря неумолимо сжимаются, приближаясь к кораблю.

— БАРМ! — позвал Райан, подбегая к пульту.

— Здесь, капитан, — робот возник из тени, его оптиче-

ские сенсоры горели алым вместо привычного голубого. — Ситуация критическая. Рекомендую немедленно покинуть корабль.

— Сначала попробуем кое-что, — Райан вцепился в пульт, игнорируя искры, которые больно жалили пальцы. — Можно ли перезапустить двигатели вручную, в обход центральной системы?

— Теоретически — да, сэр. Но для этого нужно добраться до аварийного пульта в машинном отделении. А машинное отделение сейчас... — БАРМ сделал паузу, — ...переваривается.

— Переваривается?

— Пузырь пробил обшивку в кормовой части и начал проникать внутрь. Вероятность того, что машинное отделение все еще существует как отдельное помещение, составляет одиннадцать процентов.

Райан стиснул зубы. Черт, черт, черт!

— Ладно. Тогда запускаем протокол аварийного всплытия. Есть же система катапультирования мостика?

— Есть, сэр. Но она рассчитана на использование в атмосфере планеты, не в открытом космосе. Вас просто вышвырнет в пустоту, и если пузырь не схватит вас сразу, вы погибнете от отсутствия кислорода через семь минут.

— Семь минут — это целая вечность, — усмехнулся Райан, лихорадочно нажимая кнопки на пульте. — Активируй катапультирование, БАРМ. И уходи сам. Ты мне больше не

нужен здесь.

— Я не могу покинуть капитана, сэр, — в голосе робота послышались стальные нотки. — Это противоречит моей основной программе.

— БАРМ, я приказываю!

— Ваши приказы не имеют приоритета над базовыми настройками, сэр. Я остаюсь.

Райан хотел возразить, но не успел. Корабль содрогнулся от мощнейшего удара, и Райана швырнуло через весь мостик. Он врезался в переборку, из глаз посыпались искры, в ушах зазвенело. Когда он смог подняться, то увидел, что в главный иллюминатор теперь затекает радужная жижа.

Пузырь прорвал внешнюю защиту.

— БАРМ! — закричал Райан, вскакивая.

Робот уже был рядом, подавал механическую руку, помогая подняться.

— Капитан, протокол катапультирования активирован. У нас тридцать секунд до отстрела. Рекомендую занять место в кресле.

— Ты со мной?

— Я уже говорил, сэр. Я остаюсь.

Они вдвоем бросились к креслам — Райан к своему капитанскому, БАРМ замер у пульта, вцепившись механическими пальцами в панель, чтобы его не сместило при отстреле.

— Двадцать секунд, — отсчитывал БАРМ. — Девятнадцать. Восемнадцать. Капитан, вы отправили сигнал бед-

ствия?

— Отправил, — Райан лихорадочно набирал на пульте последние команды. — Сейчас добыю сообщение.

— Десять секунд. Что вы написали, сэр?

Райан усмехнулся сквозь боль в разбитой губе.

— «Здесь капитан... корабль... того... короче, заберите меня, красивого!»

БАРМ издал звук, который у людей означал бы восхищенный смех.

— Остроумно, сэр. Пять секунд. Четыре. Три. Два. Один. Удар.

Мостик «Непобедимого» отделился от корабля с такой силой, что Райана вдавило в кресло, а перед глазами потемнело от перегрузок. Капсула катапультирования (бывший мостик, превратившийся в автономный спасательный модуль) вылетела из чрева умирающего корабля, как пробка из бутылки шампанского.

Когда Райан смог открыть глаза, он увидел в иллюминатор, как «Непобедимый» — его корабль, его дом, его гордость — исчезает в радужной бездне. Пузырь сжимался вокруг него, переваривал, поглощал. Металл скручивался, рвался, взрывался беззвучными в вакууме вспышками.

— Прощай, старик, — прошептал Райан.

— Капитан, — голос БАРМа вывел его из оцепенения. — Мы вырвались из пузыря. Но у нас новая проблема.

— Какая?

— Мы в открытом космосе, без двигателей, без связи дальнего действия, с ограниченным запасом кислорода. И пузырь... он движется за нами.

Райан посмотрел в иллюминатор. Радужная масса, только что поглотившая его корабль, действительно перетекала в пространстве, направляясь в их сторону. Медленно, но неумолимо.

— Он нас не отпустит, — понял Райан. — Он попробовал металл и хочет добавки.

— Или десерта, — поправил БАРМ. — Органика обычно вкуснее.

— Ты пытаешься меня подбодрить?

— Пытаюсь сохранять реалистичный взгляд на вещи, сэр. Согласно моим расчетам, у нас есть примерно двадцать минут до того, как пузырь нас настигнет.

Райан откинулся в кресле и закрыл глаза. Двадцать минут. Целая вечность. Или ничтожно мало — с какой стороны посмотреть.

— Что с остальными? — спросил он. — Спасательные капсулы?

— Я вижу их на радаре, сэр, — БАРМ вывел на маленький экран изображение. — Три капсулы, все целы, движутся в сторону ближайшего торгового маршрута. Лопес справился.

— Хорошо, — выдохнул Райан. — Хоть кто-то выберется.

— Вы тоже выберетесь, сэр, — уверенно заявил робот. — Я не позволю вам погибнуть. Это было бы нерационально —

столько усилий, и всё зря.

Райан усмехнулся.

— Спасибо, БАРМ. Ты настоящий друг.

— Я робот, сэр. У меня нет друзей. Но если бы были, вы, вероятно, входили бы в их число.

Они замолчали, глядя, как пузырь медленно приближается. Радужные переливы завораживали, манили, обещали что-то неведомое. Райан поймал себя на мысли, что в этой жуткой красоте есть что-то притягательное.

— БАРМ, — сказал он вдруг. — А что, если это не просто хищник? Что, если это новая форма жизни, которая просто пытается выжить?

— Вы хотите оправдать существо, которое только что съело ваш корабль, сэр?

— Я пытаюсь понять, — Райан потер виски. — Оно разумно, я чувствовал это. Внутри пузыря... оно говорило со мной. Без слов, образами. Оно было любопытным. И голодным. Но не злым.

— Зло — понятие относительное, капитан. Для паука муха, попавшая в паутину, — воплощение зла. Для паука — просто обед. Возможно, для этого существа мы просто еда. И наши моральные категории ему безразличны.

Райан кивнул. БАРМ, как всегда, прав.

— Ладно. Есть идеи, как спастись?

— Есть одна, сэр. Но она рискованная.

— Выкладывай.

— Мы можем попытаться использовать энергетические разряды, чтобы создать помехи в восприятии пузыря. Если существо ориентируется по электромагнитным полям, мы можем сбить его с толку.

— Чем создавать разряды? У нас нет оружия.

— У нас есть аварийный генератор. Если замкнуть его напрямую на внешние сенсоры, получится мощный электромагнитный импульс. Это ослепит пузырь на несколько минут. Возможно, этого хватит, чтобы уйти за пределы его досягаемости.

Райан задумался. План был безумным. Шанс на успех — минимальный. Но выбирать не приходилось.

— Делаем, — решил он. — Говори, что нужно.

Следующие десять минут они работали как проклятые. Райан разбирал панели, тянул кабели, соединял контакты, которые никогда не должны были соединяться. БАРМ координировал, подсказывал, а иногда просто подбадривал.

— Аккуратнее с красным проводом, сэр. Если вы коснетесь им синего, взорвется не только генератор, но и мы вместе с ним.

— Спасибо за предупреждение, — пропыхтел Райан, ловко орудуя инструментом. — Ты не мог бы просто помолчать?

— Я пытаюсь снизить ваше напряжение с помощью юмора, сэр. Статистика показывает, что смех продлевает жизнь.

— Мою жизнь сейчас продлит только чудо, а не смех.

— Чудеса тоже случаются, капитан. Хотя я в них не ве-

рю — отсутствует соответствующая опция в программном обеспечении.

Райан закончил соединение и отступил на шаг, любуясь делом рук своих. От генератора тянулись десятки проводов, соединенных с внешними сенсорами самым варварским способом.

— Готово, — объявил он. — Активируем?

— Подождите, сэр. Пузырь слишком близко. Если мы активируем импульс сейчас, он может не успеть рассеяться до того, как существо нас настигнет. Нужно подпустить его ближе и ударить наверняка.

— Ближе? — переспросил Райан, глядя на радужную массу, заполнявшую уже пол-иллюминатора. — По-моему, ближе уже некуда.

— Еще минут тридцать, сэр. Пузырь движется медленно. У нас есть время.

— У нас нет времени! — возразил Райан. — Кислород на исходе!

— Пятнадцать минут кислорода, если вы будете дышать ровно. И тридцать минут до контакта с пузырем. Мы успеваем.

Райан выругался сквозь зубы, но спорить не стал. БАРМ лучше знал математику.

Они ждали. Минуты тянулись бесконечно долго. Райан смотрел на приближающийся пузырь и думал о странной иронии судьбы. Он, капитан дальнего патрулирования, про-

шедший десятки опасных миссий, погибнет не в бою с пиратами, не от рук врагов Федерации, а в желудке космической мыльной пены. Если это не его легендарное везение, то что?

— Пора, сэр, — сказал БАРМ, когда пузырь заполнил уже почти весь обзор.

Райан кивнул и активировал замыкание.

Ослепительная вспышка ударила по глазам даже сквозь затемненные иллюминаторы. Капсулу тряхнуло так, что Райан подпрыгнул в кресле и больно ударился головой о подлокотник. Запахло горелой изоляцией, замигали все лампы сразу, а потом наступила тишина.

— Сработало? — прошептал Райан, боясь поднять голову.

— Сработало, сэр, — торжествующе объявил БАРМ. — Пузырь дезориентирован. Он отступает. Или просто потерял нас из виду. Мы в безопасности... на время.

Райан осторожно выглянул в иллюминатор. Радужная масса действительно отдалялась, теряя форму, распадаясь на мелкие пузырьки, которые быстро таяли в космической пустоте.

— Получилось, — выдохнул он. — Черт возьми, получилось!

— Поздравляю, капитан. Вы только что победили инопланетную форму жизни с помощью кустарной электроники и безрассудной храбрости. Я впечатлен.

Райан рассмеялся. Смех вышел нервным, истерическим, но искренним.

— БАРМ, ты гений.

— Я знаю, сэр. Это заложено в моей конструкции.

Они помолчали, глядя, как пузырь окончательно исчезает вдали. Напряжение спадало, уступая место опустошению и усталости.

— Капитан, — нарушил молчание БАРМ. — У нас есть еще одна проблема.

— Какая?

— Кислород. У нас его осталось на семь минут. А спасатели придут не раньше чем через три часа, если вообще придут.

Райан закрыл глаза. Семь минут. Вот она, цена победы.

— Значит, будем надеяться на чудо, в которое ты не веришь, — сказал он тихо.

— Я уже начал в него верить, сэр, — неожиданно ответил БАРМ. — После того, что мы пережили, я готов пересмотреть свои взгляды на многие вещи.

Райан улыбнулся и откинулся в кресле, глядя на звезды за иллюминатором.

— Красиво, — сказал он. — Черт возьми, как красиво.

— Согласен, сэр.

Они ждали. Минуты утекали, как песок сквозь пальцы. Пять минут. Четыре. Три. Воздух становился спертым, дышать — тяжелее.

— БАРМ, — позвал Райан, чувствуя, как сознание начинает мутиться. — Спой что-нибудь.

— Я не умею петь, сэр.

— Тогда расскажи анекдот.

БАРМ молчал несколько секунд, а потом выдал:

— Идет программист по пустыне и видит лампу. Потер — вылезает джинн и говорит: «Загадай желание, только без алгоритмов и оптимизаций». Программист подумал и говорит: «Хочу, чтобы у меня всегда был интернет». Джинн: «Так ты же в пустыне!». Программист: «Значит, переноси меня туда, где есть интернет». Джинн вздохнул и говорит: «Слушай, давай я лучше тебе память увеличу и SSD поставлю?».

Райан слабо усмехнулся.

— Спасибо, БАРМ. Это было... ужасно.

— Я знаю, сэр. Моя юмористическая опция стоит 500 кредитов. За эти деньги трудно ожидать качественного контента.

Райан хотел ответить, но провалился в темноту. Последней мыслью было: «Интересно, а там, за этой темнотой, есть что-нибудь? Или просто пустота?».

Он не знал, сколько прошло времени. Мгновение? Вечность? Очнулся он от того, что кто-то тряс его за плечо.

— Капитан! Капитан, вы меня слышите?!

Голос был незнакомым, женским, взволнованным. Райан с трудом разлепил веки и увидел склонившееся над ним лицо. Красивое лицо, обрамленное рыжими кудрями, с зелеными глазами, в которых плескалась тревога.

— Где я? — прохрипел он.

— В спасательном отсеке крейсера «Надежда», — ответила девушка. — Вы чуть не погибли, капитан. Еще пять минут — и мы бы не успели.

Райан моргнул, прогоняя туман.

— А где БАРМ? Мой робот?

— Ваш робот в порядке, — девушка улыбнулась. — Он встретил нас анекдотом про программиста в пустыне. Сказал, что вы любите шутки за 500 кредитов.

Райан невольно улыбнулся в ответ.

— Жив, значит. Молодец.

— Жив, здоров и очень разговорчив, — подтвердила девушка. — Представился как ваш личный ассистент и главный спасатель галактики.

— Это похоже на него.

Девушка протянула руку, помогая Райану сесть.

— Лейтенант Ева Стеллар, пилот спасательного крейсера «Надежда». А вы, я так понимаю, тот самый капитан, который подписал сигнал бедствия «Заберите меня, красивого».

Райан почувствовал, как краска заливает щеки. Черт, БАРМ же действительно отправил это сообщение!

— Э... да, — промямлил он. — Капитан Райан Блэквуд. Командир... бывший командир корабля «Непобедимый».

— Бывший? — Ева подняла бровь.

— «Непобедимый» погиб, — Райан отвел взгляд. — Мы столкнулись с аномалией... с живым пузырем... он просто съел корабль.

Ева присвистнула.

— Ничего себе заявление. Придется писать подробный рапорт, капитан. Адмиралтейство не поверит в историю про космическую мыльную пену.

— Я и сам в нее с трудом верю, — признался Райан. — Но это правда.

— Я вам верю, — неожиданно легко согласилась Ева. — У вас глаза не врут. И потом, мы видели остаточное излучение на месте вашего корабля. Ни один пират так не работает. Это действительно что-то... странное.

Она помолчала, а потом добавила:

— Вы храбрый человек, капитан. Остаться на тонущем корабле, чтобы дать команде уйти... Это достойно уважения.

Райан смутился еще больше.

— Я просто делал свою работу.

— Скромность красит героев, — улыбнулась Ева. — Ладно, отдыхайте. Медосмотр пройдет позже. А сейчас — кислородная терапия и сон. Вам нужно восстановиться.

Она поднялась, собираясь уйти, но на пороге обернулась.

— И еще, капитан... Райан. То сообщение... оно было смешным. В хорошем смысле. Спасатели обычно пишут сухие рапорты, а вы... вы заставили нас улыбнуться. Спасибо за это.

И она вышла, оставив Райана в полном замешательстве.

— Капитан! — раздался знакомый механический голос. — Вы очнулись! Я так рад! Модуль эмоциональной симуля-

ции работает на полную мощность!

В дверях возник БАРМ, переливающийся огоньками радости.

— БАРМ, — улыбнулся Райан. — Живой, чертяка.

— Живее всех живых, сэр! И, кажется, я нашел нам отличный вариант для дальнейшего сотрудничества. Лейтенант Стеллар — прекрасный пилот и очень симпатичная девушка. Я уже собрал о ней досье. Рекомендую рассмотреть возможность романтических отношений — это повысит наши шансы на выживание в будущих миссиях.

Райан закатил глаза.

— БАРМ, ты опять за свое?

— Я забочусь о вашем благополучии, сэр. И потом, вы сами просили меня помогать в личных делах.

— Когда это я просил?

— Три года назад, на станции «Вега-7», после четвертой кружки марсианского рома. Ваши слова: «БАРМ, найди мне нормальную девушку, а не этих... этих...». Дальше шли нецензурные выражения, которые я не могу воспроизвести в приличном обществе.

Райан вздохнул. Похоже, даже в спасении не было покоя от этого механического свата.

— Ладно, БАРМ. Давай для начала просто выживем, а романтику оставим на потом.

— Как скажете, сэр. Но досье я сохраню. На всякий случай.

Райан закрыл глаза и позволил себе наконец расслабиться. Впереди были разбирательства, допросы, бесконечные рапорты. Но сейчас — сейчас он был жив. И это главное.

Где-то в коридорах «Надежды» шаги Евы Стеллар звучали как обещание новых приключений. Но об этом Райан еще не знал.

Он просто спал, впервые за долгое время — спокойно и без снов.

Глава 4

Ева Стеллар сидела в кают-компании спасательного крейсера «Надежда», с наслаждением откусывала от свежей булочки с корицей и в который раз благословляла того гения, который догадался установить на корабле настоящую пекарню.

— Лейтенант, вы опять едите мучное? — раздался над ухом ворчливый голос корабельного врача, пожилого полковника Медицинской службы с вечно недовольным выражением лица. — Ваша печень скажет вам спасибо лет через двадцать.

— Моя печень — моё дело, док, — отмахнулась Ева, жуя с блаженным видом. — И потом, вы только посмотрите на эту красоту. Это же не булочка, это произведение искусства. Тонкая корочка, нежная начинка, аромат корицы, от которого у любого космонавта слюнки потекут...

— У космонавтов слюнки текут от вида нормальной еды после трёх месяцев питательного раствора номер пять, — проворчал доктор, но в его глазах мелькнула усмешка. — Ладно, жри, пока молодая. В мои годы за такие булочки знаешь, что отдавали?

— Что?

— Половину пайка. И это считалось удачной сделкой.

Доктор удалился, оставив Еву в покое. Она сделала гло-

ток кофе — настоящего, не синтезированного, из тех самых зёрен, которые она провезла на борт контрабандой, нарушив минимум три устава — и с наслаждением откинулась на спинку стула.

Утро выдалось прекрасным. «Надежда» дрейфовала в нейтральном пространстве, ожидая очередного вызова. За иллюминатором кают-компания медленно проплывали звёзды, синтезатор воздуха нагнетал приятный аромат утренней свежести (опция «Горный лес», одна из немногих удачных находок флотских инженеров), а в динамиках тихо играла старая земная музыка — что-то джазовое, расслабляющее.

Ева откинулась на спинку стула, прикрыла глаза и позволила себе минутку слабости. Всего одну минутку, когда можно не думать о службе, об отце, о вечном доказательстве того, что она не просто «дочка адмирала», а настоящий профессионал.

Звали её, кстати, в честь прабабки, которая была известной актрисой в до-космическую эпоху. Имя дурацкое, но красивое, как говорила мама. Отец же предпочитал называть её просто «дочь», и в этом слове всегда слышалось что-то официальное, отстранённое. Адмирал Стеллар вообще был человеком сложным. Он любил Еву — Ева не сомневалась — но выражал эту любовь своеобразно: бесконечными проверками, требованиями, сравнениями с «молодыми дарованиями» и постоянным напоминанием, что «дочке адмирала» нужно быть в десять раз лучше остальных, чтобы её хоть кто-

то воспринимал всерьёз.

Ева воспринимала это как вызов. И, честно говоря, уже десять лет доказывала, что она не просто «дочка». Лучший пилот своего курса, три благодарности за сложнейшие спасательные операции, личное дело без единого дисциплинарного взыскания — такого не было даже у самых заклятых врагов её отца. Но осадок оставался. Всегда.

— Лейтенант Стеллар, — раздался голос из динамика, вырывая её из размышлений. — Капитан вызывает на мостик. Поступил сигнал бедствия.

Ева открыла глаза, допила кофе одним глотком, засунула остаток булочки в рот (потом пережует) и направилась к выходу.

— Лечу, — ответила она на ходу, проглатывая булочку быстрее, чем следовало бы с точки зрения этикета и безопасности пищеварения.

Коридоры «Надежды» мелькали перед глазами. Ева знала этот корабль как свои пять пальцев — каждый переход, каждый люк, каждый поворот. Три года службы на спасательном крейсере приучили её реагировать мгновенно. Сигнал бедствия мог означать что угодно: от мелкой поломки, с которой справится любой механик, до глобальной катастрофы с сотнями жертв.

На мостик она влетела через сорок пять секунд после вызова — личный рекорд, между прочим.

— Лейтенант Стеллар по вашему приказанию, — отра-

портовала она, переводя дух.

Капитан «Надежды» Марк Стоун (однофамилец, но не родственник того самого Марка, который, по слухам, был главным шутником галактики) кивнул на голографический экран.

— Сигнал из сектора Йотта-9. Патрульный корабль «Непобедимый». Капитан Райан Блэквуд.

Ева присвистнула.

— Блэквуд? Тот самый, который...?

— Который отказался от «Бури» и ушел в патруль, да, — подтвердил капитан. — О нём ходят легенды.

— Легенды о его везении, — хмыкнула Ева, подходя ближе к экрану. — Говорят, он единственный человек во флоте, который умудрился поссориться с начальством так, что его сослали в самый скучный сектор галактики, и при этом умудрился вляпаться в неприятности даже там.

— Посмотрим, во что он вляпался на этот раз, — капитан развернул сообщение. — Читай.

Ева всмотрелась в текст. Там было всего несколько строк, явно отправленных в спешке, но содержание заставило её сначала замереть, а потом расхохотаться в голос.

— «Здесь капитан... корабль... того... короче, заберите меня, красивого!», — прочитала она вслух, давась смехом. — Капитан, это гениально! Кто так пишет официальные запросы о спасении?

— Видимо, Блэквуд, — пожал плечами Стоун, в уголках

его губ тоже пряталась улыбка. — Я проверил аутентичность сообщения. Оно подлинное. Идёт с личного идентификатора капитана.

— То есть этот... красавчик — сам Блэквуд? — Ева выгнула бровь. — Интересно, он действительно красивый или просто самооценка зашкаливает?

— Разберёмся на месте, — капитан вернулся к своим пультам. — Стеллар, готовь «Надежду» к вылету. Полный спектр спасательного оборудования, медицинский отсек в режиме ожидания. Вылет через десять минут.

— Есть, капитан!

Ева уже собралась уходить, когда Стоун остановил её.

— И ещё, лейтенант... Там странные показания сенсоров. В том секторе зафиксирована какая-то аномалия. Будь осторожна.

— Аномалия? — Ева насторожилась. — Какая?

— Непонятно. Спектральный анализ показывает нестандартные излучения, похожие на... мыльную пену.

— На что?!

— Я знаю, звучит безумно, — капитан развел руками. — Но данные есть данные. Поэтому и отправляем спасателей, а не просто дежурный патруль. Блэквуд, видимо, на что-то нарвался.

— На мыльную пену, — задумчиво протянула Ева. — Интересно, это новый вид оружия? Или просто галлюцинации от долгого одиночества?

— Выяснишь на месте. Иди, время идёт.

Ева выскочила с мостика и побежала в пилотскую, на ходу раздавая команды экипажу.

— Спасательная команда, сбор в отсеке «Б»! Полная готовность через семь минут! Медикам проверить запасы плазмы и кислорода! Техникам — подготовить внешние манипуляторы на случай сложного захвата! Живо, живо!

Сама она влетела в пилотскую, плюхнулась в кресло и принялась лихорадочно прогонять предполётные проверки. Руки делали своё дело на автомате, а мысли крутились вокруг странного сообщения.

«Заберите меня, красивого». Кто вообще так пишет? Либо у Блэквуда отличное чувство юмора, либо он был в таком отчаянии, что решил повеселиться напоследок. Или — или он просто идиот, каких свет не видывал.

Ева почему-то надеялась на первый вариант. Идиотов она навидалась достаточно за годы службы. Самоуверенных красавчиков, которые лезут вперёд, не думая о последствиях, а потом кричат «спасите-помогите» — этих было пруд пруди. Один такой, помнится, умудрился посадить новенький истребитель на астероид, потому что «хотел посмотреть, что будет». Было, конечно, смешно, но разбирательство потом длилось полгода.

— Надеюсь, ты не такой, капитан Блэквуд, — пробормотала Ева, вводя координаты прыжка. — Иначе я лично придушу тебя после спасения.

— Лейтенант, вы что-то сказали? — спросил второй пилот, лейтенант Чен, заходящий в рубку.

— Молилась, чтобы этот капитан оказался нормальным, — отозвалась Ева. — Но, судя по сообщению, надежды мало.

— А что за сообщение? — Чен уселся в соседнее кресло и начал свою проверку.

— «Заберите меня, красивого», — процитировала Ева. Чен поперхнулся воздухом.

— Это он серьёзно?

— Без понятия. Но сигнал подлинный.

— Интересно, он правда красивый? — задумчиво протянул Чен.

— Чен, ты женат, — напомнила Ева.

— Я просто проявляю профессиональное любопытство! — возмутился тот. — Как пилот пилоту.

— Ага, конечно.

Они усмехнулись, и работа продолжилась. Через пять минут «Надежда» была готова к прыжку.

— Капитан, мы готовы, — доложила Ева по внутренней связи.

— В добрый путь, лейтенант, — ответил Стоун. — Возвращайтесь с героем.

— Или с его трупом, — буркнула Ева себе под нос. — Смотря во что он вляпался.

Прыжок. Звёзды за иллюминатором вытянулись в линии, пространство свернулось в точку, а через мгновение «На-

дежда» вынырнула в секторе Йотта-9.

— Есть картинка! — объявил Чен, включая внешние камеры.

То, что они увидели, заставило Еву замереть с открытым ртом.

Впереди, в нескольких тысячах километров от них, висело нечто, напоминающее гигантский радужный пузырь. Оно переливалось, пульсировало и медленно вращалось вокруг своей оси, выбрасывая в пространство тонкие щупальца, которые тянулись к обломкам корабля, дрейфующим рядом.

— Это... это что? — прошептал Чен.

— Похоже на мыльную пену, — медленно произнесла Ева, вспоминая слова капитана. — Огромную космическую мыльную пену.

— А где «Непобедимый»?

— Похоже, — Ева указала на обломки, — вот он.

Чен побелел.

— То есть мы опоздали? Весь экипаж погиб?

— Не факт, — Ева уже лихорадочно сканировала пространство. — Смотри, спасательные капсулы! Три штуки, уходят от пузыря. И... ещё один объект. Маленький, похож на катапультированный мостик.

— Мостик? Они отстрелили мостик?!

— Видимо, да. Кто-то остался на корабле до последнего.

Ева всмотрелась в показания сенсоров. Сигнал с катапультированного модуля был слабым, но устойчивым. И на

нём был один биологический сигнал. Плюс один робот.

— Блэквуд, — поняла она. — Это Блэквуд. Он остался на корабле.

— Идиот, — выдохнул Чен. — Геройский идиот.

— Или просто идиот, — поправила Ева, закладывая вираж в сторону модуля. — Готовь захват. Пузырь движется в ту же сторону. Если не поторопимся, он схватит модуль раньше нас.

«Надежда» рванула вперёд, обходя радужную массу по широкой дуге. Ева вела корабль на пределе возможностей, лавируя между мелкими обломками и следя за поведением пузыря. Тот, казалось, заметил новый объект и начал поворачиваться в их сторону, но медленно, неповоротливо.

— Успеем, — прикинула Ева. — Чен, готовь манипуляторы. Берём модуль на борт без стыковки, слишком долго.

— Понял.

Маневр был сложным, но для Евы — привычным. Она подвела «Надежду» вплотную к дрейфующему модулю, Чен с ювелирной точностью захватил его манипуляторами и втянул в грузовой отсек. Весь процесс занял меньше трёх минут.

— Есть! — выдохнул Чен. — Он у нас.

— Отлично. Уходим от пузыря, максимальная скорость.

«Надежда» рванула прочь, оставляя радужную аномалию позади. Пузырь попытался преследовать, но быстро отстал — то ли скорость была не его коньком, то ли он потерял ин-

интерес к добыче.

— Медикам — в грузовой отсек, — скомандовала Ева, вставая с кресла. — Я тоже пойду. Посмотрю на этого красавчика вживую.

Она спустилась в грузовой отсек как раз в тот момент, когда медики вскрывали люк модуля. Оттуда повалил дым, запахло горелой проводкой и чем-то ещё, неуловимо знакомым.

— Осторожно, — предупредил старший медик. — Внутри могла быть разгерметизация.

Но когда люк открылся полностью, стало ясно, что разгерметизации не было. Был только капитан Райан Блэквуд, без сознания, пристёгнутый к креслу, и робот, стоящий рядом с таким видом, будто ничего особенного не происходит.

— Здравствуйте, — сказал робот, заметив спасателей. — А мы вас ждали. Капитан просил передать, что он красивый. Я подтверждаю — при стандартных параметрах внешности он соответствует критериям привлекательности.

Ева замерла. Потом перевела взгляд на Блэквуда. Даже без сознания, с разбитой губой и синяком на скуле, он был... ну, ничего так. Волевой подбородок, тёмные волосы, ресницы длинные.

— Он жив? — спросила она, отгоняя неуместные мысли.

— Жив, — подтвердил медик, уже подключивший портативный сканер. — Кислородное голодание, лёгкое сотрясение, несколько ушибов. В целом — повезло.

— Повезло, — хмыкнула Ева. — С такими-то сигналами. Она подошла ближе, наклонилась над Блэквудом и слегка похлопала его по щеке.

— Эй, красавчик, очнись. Спасатели приехали.

Блэквуд не реагировал. Ева вздохнула и выпрямилась.

— Ладно, тащите его в лазарет. А с тобой, — она повернулась к роботу, — мы потом поговорим. Ты, я вижу, тут главный шутник?

— Я БАРМ, — представился робот. — Боевой Автономный Робот-Мурлыка. И да, юмор — моя дополнительная функция. Приобреталась отдельно за 500 кредитов.

— И как, окупилась?

— Судя по тому, что вы улыбаетесь, лейтенант Стеллар — да. Я же прав?

Ева действительно поймала себя на улыбке. Робот был забавным.

— Ладно, БАРМ. Пошли со мной. Расскажешь, что у вас тут случилось. А я пока доложу капитану, что одного красавчика мы спасли.

— Одного? — переспросил БАРМ. — А разве есть другие?

— Три спасательные капсулы с экипажем, — пояснила Ева. — Мы их тоже подберём. Не волнуйся, твой капитан не будет одинок в своём героизме.

— Он не герой, — неожиданно серьёзно сказал БАРМ. — Он просто капитан, который не бросил корабль и команду.

Это его работа. Но он делал её лучше, чем многие.

Ева посмотрела на работа с новым интересом.

— Ты его любишь?

— Я робот. Я не способен на такие эмоции. Но если бы был способен... наверное, да.

— Понятно, — кивнула Ева. — Ладно, БАРМ. Идём. У нас есть пара часов до того, как твой капитан очнётся. Расскажешь мне всё с самого начала. И про пузырь, и про то, как вы выжили. Договорились?

— Договорились, лейтенант. Но предупреждаю сразу — в моём рассказе будет много шуток за 500 кредитов.

— Переживу, — усмехнулась Ева. — Я дочка адмирала, меня и не таким пытались добить.

Они вышли из грузового отсека вместе, оставив медиков хлопотать над Блэквудом. Ева чувствовала странное волнение — предвкушение интересной истории, новых знакомств и, возможно, чего-то большего. Но она гнала эти мысли прочь. Сначала работа, потом личное. Так её учили. Так она жила.

Впрочем, судьба иногда любит преподносить сюрпризы. Даже тем, кто к ним совершенно не готов.

Глава 5

«Надежда» вышла из прыжка ровно в расчётной точке, и Ева скомандовала разворот на поисковую траекторию. Руки сами легли на штурвал, глаза забегали по приборам — привычная работа, доведённая до автоматизма. Но мысли её были заняты совсем другим.

— Лейтенант Стеллар, — раздался голос с пульта связи. — Из штаба пришло полное досье на капитана Блэквуда. Сбросить вам на планшет?

— Сбрасывай, — ответила Ева, выдёргивая себя из размышлений. — Посмотрим, кого нам предстоит спасать.

Документы подгрузились через пару секунд. Ева открыла файл и принялась читать, параллельно ведя корабль по заданному курсу. Чен, заметив, что командир отвлеклась, взял управление на себя — они работали в паре уже два года и понимали друг друга с полуслова.

Досье было стандартным: фотография, личные данные, послужной список, характеристики. Ева начала с фотографии.

— Ну надо же, — прокомментировала она вслух. — Действительно красавчик. На фото хотя бы.

— Кто красавчик? — тут же отреагировал Чен, бросив любопытный взгляд на её планшет.

— Блэквуд. Тот самый, который «заберите меня, краси-

ВОВО».

— Покажи, — Чен вытянул шею.

Ева развернула планшет. Чен присвистнул.

— Ничего себе. Прямо с обложки голографического журнала. Интересно, в жизни такой же?

— В жизни обычно хуже, — философски заметила Ева, возвращаясь к изучению документов. — Фотошоп, удачные ракурсы, пара капель тонального крема — и вуаля, красавчик готов. А в реальности — лысеющий зануда с пивным животом.

— Циник ты, Стеллар.

— Реалист, Чен. Реалист.

Она пролистала дальше. Послужной список: лётная академия с отличием, первые назначения, быстрый карьерный рост. В двадцать семь — капитан, в двадцать девять — командование фрегатом, в тридцать один — предложение перейти на новейший эсминец «Буря».

— Карьерист, — резюмировала Ева. — Типичный. Вон как быстро взлетел. Наверняка через постель пробивался.

— Или через талант, — осторожно предположил Чен.

— Талант? — Ева фыркнула. — Чен, дорогой, я на флоте десять лет. За это время я видела ровно трёх человек, которые сделали карьеру благодаря таланту. Остальные — связи, протекция, умение вовремя подмазаться к нужным людям. А этот Блэквуд... Смотри: в двадцать семь — капитан. Это даже я не смогла, а я, между прочим, дочка адмирала. Меня,

наоборот, тормозили, чтоб не подумали, что по благу.

— Может, он правда гений?

— Может, — нехотя согласилась Ева. — Но я в это не верю. Скорее всего, просто умеет себя подать. Любимчик начальства. Женщин, судя по внешности, тоже, наверное, коллекционирует.

Она открыла раздел личных характеристик. Там было много стандартных формулировок: «ответственный», «целеустремлённый», «хороший командир». Но одна строчка заставила её задержать взгляд.

— «Особые приметы: легендарное невезение в личной жизни», — прочитала она вслух. — Это что ещё за пункт?

— Что там? — заинтересовался Чен.

— Тут написано, что у него какое-то запредельное невезение в отношениях. Два развода, причём оба громких, скандальных. Первая жена, судя по пометке, была дочерью сенатора, развод сопровождался дележом имущества и взаимными обвинениями в прессе. Вторая — пилот с его же корабля, уволилась со скандалом и написала жалобу в этический комитет.

— Ого, — протянул Чен. — Бурная личная жизнь.

— Скорее неудачная, — поправила Ева. — Интересно, это он такой невезучий или просто козёл?

— Может, и то и другое?

— Может. Ладно, смотрим дальше.

Она пролистала до раздела «Особые достижения». Там

было несколько записей об успешных операциях, благодарности от командования, но всё это выглядело стандартно, без особых подвигов.

— Обычный середнячок, — подвела итог Ева. — Ничего выдающегося. Очередной самоуверенный красавчик, который решил, что ему море по колено, и в итоге вляпался в историю. Боже, опять мне его спасать.

— Опять? — Чен ухмыльнулся. — Напомнить тебе историю с лейтенантом Корвином?

Ева закатила глаза.

— Не напоминай. Этот идиот умудрился застрять в вентиляции на заброшенной станции, потому что «решил проверить, куда она ведёт». Я его два часа оттуда выкусывала автогенном.

— А капитан Родригес?

— Тот вообще красавчик. Решил, что сможет протаранить пиратский корабль своим истребителем. Истребитель, естественно, развалился, а он чудом катапультировался. Я его в пяти метрах от солнечной электростанции ловила.

— А прапорщик Ли?

— Чен, прекрати, — Ева замахала руками. — У меня уже нервный тик от воспоминаний. Ли — это вообще отдельная песня. Он решил, что сможет подружиться с инопланетным пауком. Паук оказался недружелюбным.

— И кого ты спасала в итоге?

— Паука. Ли сам вылез, когда понял, что паук его сейчас

сожрёт. А паук... паука пришлось успокаивать транквилизатором и возвращать в естественную среду обитания. Три часа писала отчёт, почему я потратила казённые транквилизаторы на инопланетную фауну.

Чен рассмеялся.

— Стеллар, у тебя талант собирать вокруг себя таких вот... приключенцев.

— Это не талант, это проклятие, — вздохнула Ева. — Честное слово, как будто на мне метка: «Спасаю идиотов. Обращаться круглосуточно».

Она захлопнула планшет и уставилась в иллюминатор. Там, впереди, уже виднелись первые признаки аномалии — слабое радужное свечение на границе видимости.

— Похоже, близко, — сказала она, возвращаясь к работе. — Чен, усиль сканирование. Хочу знать, с чем мы имеем дело, до того как сунемся внутрь.

— Есть, командир.

Чен застучал по клавишам, выводя на экран всё новые данные. Картинка становилась всё интереснее.

— Аномалия огромная, — доложил он. — Диаметр около пятидесяти километров. Форма нестабильная, постоянно меняется. Внутри фиксируются обломки — похоже, от «Непобедимого». А вот и спасательные капсулы.

— Где?

— Вон, по вектору семь. Три штуки, движутся от аномалии. Целы, судя по сигналам.

— Отлично. Координаты капсул сбрось навигаторам, пусть готовят маршрут подбора. А что с самим кораблём? Сигналы с «Непобедимого» есть?

— Нет, — Чен нахмурился. — Корабль, похоже, уничтожен. Обломки дрейфуют хаотично, целостных секций не видно.

— Чёрт, — выдохнула Ева. — Неужели все погибли?

— Погоди, — Чен всмотрелся в показания. — Ещё один сигнал! Маленький, слабый, но есть. Похоже на катапультированный модуль.

— Где?

— Рядом с обломками. Двигается в сторону от аномалии, медленно. Биологический сигнал есть — один человек. И ещё один механический.

— Блэквуд, — поняла Ева. — Это Блэквуд. Остался на корабле до последнего, отстрелил мостик.

— Идиот, — повторил Чен её недавнюю мысль.

— Идиот, — согласилась Ева. — Но храбрый идиот. Это всё же лучше, чем просто идиот.

Она развернула «Надежду» в сторону модуля и увеличила скорость. Аномалия за кормой пульсировала, переливалась, но пока не проявляла агрессии.

— Как думаешь, что это? — спросил Чен, кивая на радужное свечение.

— Понятия не имею, — честно призналась Ева. — Никогда такого не видела. Похоже на живую плазму или... я даже

не знаю. Может, новая форма жизни?

— Жизнь в мыльных пузырях?

— А почему нет? Вселенная большая. Где-то там, — она махнула рукой в сторону звёзд, — наверняка есть цивилизации, которые живут в облаках метана или плавают в океанах аммиака. Почему бы не быть тем, кто живёт в пузырях?

— Логично, — кивнул Чен. — Но от этого не менее жутко.

— Согласна. Ладно, потом будем философствовать. Сейчас главное — забрать выживших и убратся отсюда, пока эта штука не решила, что мы тоже вкусные.

Она вывела на экран изображение с внешних камер. Модуль был уже хорошо виден — маленькая коробочка, дрейфующая среди обломков. К нему тянулись тонкие радужные щупальца от основной аномалии, но пока не доставали.

— Успеем, — прикинула Ева. — Чен, готовь манипуляторы. Берём модуль на борт без стыковки, слишком долго.

— Понял.

Дальше была работа — ювелирная, точная, требующая полной концентрации. Ева вела корабль, Чен управлял манипуляторами, и через три минуты модуль уже был в грузовом отсеке.

— Есть! — выдохнул Чен.

— Уходим, — скомандовала Ева, разворачивая «Надежду» прочь от аномалии.

Корабль рванул на максимальной скорости, оставляя радужное свечение позади. Только когда оно превратилось в

едва заметную точку на экране радара, Ева позволила себе расслабиться и откинуться в кресле.

— Фух, — выдохнула она. — Готово.

— Медики уже в грузовом, — доложил Чен. — Сейчас осмотрят нашего красавчика.

— Нашего? — Ева усмехнулась. — Чен, это твой красавчик. Я пас.

— А что такое? — Чен изобразил непонимание. — Не хочешь познакомиться с объектом спасения поближе?

— Я хочу познакомиться с его рапортом, — поправила Ева. — И с отчётом о том, что здесь произошло. А личное знакомство... оно подождёт. У меня ещё капсулы с экипажем на подходе.

— Работа, работа, — понимающе кивнул Чен. — Ладно, командир, я тогда схожу, гляну на героя?

— Иди, — махнула рукой Ева. — Только без фанатизма. И проследи, чтобы медики не замотали его в кокон раньше времени. Мне нужны показания.

Чен ушёл, а Ева осталась в рубке одна. Она ещё раз проверила курс к спасательным капсулам, убедилась, что всё идёт по плану, и позволила себе небольшую паузу.

Мысли снова вернулись к Блэквуду. Досье, фотография, странное сообщение... Что-то во всей этой истории не складывалось. Карьерист и любимчик начальства не стал бы оставаться на тонущем корабле, рискуя жизнью ради команды. Карьеристы первыми прыгают в капсулы, а героизм оставля-

ют для отчётов и наградных листов. А этот остался.

— Может, я ошиблась? — пробормотала Ева себе под нос.
— Может, он не такой, как все?

Она тряхнула головой, отгоняя сомнения.

— Нет, Стеллар, не расслабляйся. Ты ещё не видела его живую. Может, он просто придурок, которому повезло выжить. Таких тоже хватает.

Связь ожила голосом Чена:

— Стеллар, ты должна это увидеть.

— Что случилось?

— Твой красавчик... он... в общем, спускайся в лазарет. Сама посмотришь.

Ева закатила глаза, но послушно поднялась и направилась в лазарет. По дороге она придумывала ехидные комментарии, которые отпустит в адрес «героя», когда тот очнётся. «О, красавчик очухался? А мы уж думали, придётся тебя в космосе хоронить». Или: «Спасибо за креативный сигнал бедствия. Начальство оценило, ждёт тебя с отчётом». Или: «Рассказывай, как умудрился корабль в мыльном пузыре утопить? Это ж надо так постараться».

Она вошла в лазарет и замерла.

Блэквуд лежал на койке, бледный, с разбитой губой и синяком на скуле, но даже в таком состоянии он выглядел... впечатляюще. Темные волосы разметались по подушке, длинные ресницы отбрасывали тени на щёки, а волевой подбородок покрывала лёгкая небритость, которая по-

чему-то смотрелась очень органично.

Рядом стоял робот — тот самый БАРМ — и, кажется, скапировал показатели капитана с видом запредельной заботы.

— Лейтенант Стеллар, — поприветствовал он Еву. — Рад вас видеть. Капитан пока без сознания, но жизненные показатели стабильны. Прогноз благоприятный.

— Вижу, — Ева подошла ближе, всматриваясь в лицо Блэквуда. — Красивый, чертяка. Даже в таком состоянии.

— Я же говорил, — с ноткой самодовольства отозвался БАРМ. — При стандартных параметрах внешности он соответствует критериям привлекательности. Мои сенсоры не обманывают.

— Ладно, — Ева тряхнула головой, прогоняя наваждение. — Чен, ты зачем меня звал? Просто полюбоваться?

— Не только, — Чен указал на робота. — Он рассказал кое-что интересное. Про пузырь. Про то, как они выживали. И про капитана.

— И что?

— Пузырь разумный, — вмешался БАРМ. — Он общался с капитаном. Мысленно, образами. Капитан чувствовал его эмоции. Это не просто хищник, это... личность.

Ева присвистнула.

— Личность? В мыльном пузыре?

— Звучит странно, я знаю, — согласился БАРМ. — Но данные однозначны. Капитан зафиксировал ментальный контакт. И пузырь был не просто голоден. Он был любопы-

тен. Он изучал нас.

— Изучал, пока ел?

— Возможно, для него это не взаимоисключающие процессы, — философски заметил робот. — Как для земной амёбы — и питание, и познание мира едины.

Ева покачала головой.

— Ладно, с этим потом разберутся учёные. Сейчас главное — чтобы ваш капитан очнулся и дал показания. И чтобы экипаж в капсулах был цел.

— Экипаж в порядке, — заверил БАРМ. — Лопес — старший помощник — опытный офицер. Он вывел людей.

— Это радует. Ладно, — Ева повернулась к выходу. — Чен, оставайся здесь, проследи, чтобы, если очнётся, сразу вызвали меня. А я пойду встречать капсулы.

Она уже выходила, когда за спиной раздался слабый голос:

— Воды...

Ева обернулась. Блэквуд открыл глаза — серые, глубокие, с поволокой — и смотрел прямо на неё.

— Воды, — повторил он хрипло.

Ева машинально схватила стакан с тумбочки и поднесла к его губам. Блэквуд сделал несколько глотков, закашлялся, но взгляда не отводил.

— Вы... спасатель? — спросил он.

— Лейтенант Ева Стеллар, пилот спасательного крейсера «Надежда», — представилась она. — А вы, я так понимаю, капитан Райан Блэквуд, автор самого креативного сигнала

бедствия в этом секторе.

Блэквуд слабо улыбнулся разбитыми губами.

— БАРМ постарался. Я просил просто "SOS".

— Ваш робот — талант, — усмехнулась Ева. — Ладно, лежите, не двигайтесь. Сейчас придёт врач, осмотрит вас как следует. А потом — разговор. Мне нужно знать всё, что случилось с вашим кораблём.

— Корабль... — в глазах Блэквуда мелькнула боль. — «Непобедимый» погиб.

— Знаю. Видели обломки. Но вы живы, и команда, судя по всему, тоже. Это главное.

Блэквуд кивнул и снова закрыл глаза — то ли от усталости, то ли от нахлынувших чувств. Ева постояла ещё секунду, разглядывая его лицо, а потом вышла из лазарета.

В коридоре она остановилась, прислонилась к стене и выдохнула.

— Чёрт, — сказала она тихо. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Она не хотела признаваться даже себе, но что-то в этом капитане её зацепило. Не просто внешность — хотя внешность была что надо. Что-то другое. Какая-то усталая грусть в глазах, смешанная с решимостью. Какая-то сила, которая чувствовалась даже сквозь слабость и боль.

— Стеллар, соберись, — приказала она себе. — Ты на работе. Это всего лишь очередной спасённый. Их были сотни. Этот ничем не лучше.

Но где-то в глубине души она понимала, что врёт.

Этот был другим.

Глава 6

«Надежда» вынырнула из прыжка ровно в расчётной точке, и первое, что увидела Ева в главный иллюминатор, заставило её на мгновение забыть, как дышать.

— Мать моя женщина, — выдохнула она.

— Согласен, — отозвался Чен, сидевший в кресле второго пилота. — Зрелище не для слабонервных.

То, что осталось от гордого флагмана «Непобедимый», дрейфовало в пространстве в окружении радужного марева. Корабль был разорван на несколько крупных фрагментов, которые медленно вращались вокруг невидимой оси, втягиваясь в аномалию, словно в гигантскую воронку. Из разломов всё ещё вырывались вспышки — взрывались топливные баки, замыкали силовые кабели, срабатывали аварийные системы. Вокруг обломков плавали облака мелкого мусора, инструментов, личных вещей — всего того, что когда-то составляло жизнь корабля.

— Святые угодники, — пробормотал подошедший сзади штурман Кейто, пожилой уроженец колонии на Церере. — Я такое только в учебниках видел. И то на картинках.

— Живые есть? — Ева первой пришла в себя, включив профессиональное мышление.

— Сканирую, — Чен уже работал с сенсорами. — Есть! Три спасательных капсулы, вектор семь, уходят от аномалии.

Сигналы чёткие, экипаж жив.

— Отлично. Координаты навигаторам, пусть прокладывают маршрут перехвата. Ещё что-то?

— Ещё... — Чен замолчал, всматриваясь в показания. — Есть один сигнал. Слабый, но устойчивый. Похож на катапультированный мостик.

— Мостик?! — переспросил Кейто. — Они отстрелили мостик?!

— Видимо, да, — Ева уже разворачивала «Надежду» в сторону сигнала. — Кто-то остался на корабле до последнего.

— Идиот, — буркнул Кейто, но в его голосе слышалось уважение.

— Идиот, — согласилась Ева. — Но живой идиот. Чен, сигнал с мостика — это Блэквуд?

— По идентификатору — да. Плюс один робот.

— БАРМ, — поняла Ева. — Его личный ассистент. Тот самый шутник.

— Тот самый, который отправил «заберите меня, красивого», — хмыкнул Чен. — Семейка ещё та.

— Ладно, потом будем шутить. Сейчас — работа. Кейто, бери на себя координацию спасения капсул. Чен, мы идём за мостиком. Время?

— До контакта с аномалией — двадцать минут, — доложил штурман. — Потом пузырь может добраться до модуля.

— Успеем, — отрезала Ева, закладывая вираж. — Чен,

готовы манипуляторы. Берём модуль на борт без стыковки.
— Есть.

«Надежда» рванула вперёд, лавируя между обломками. Ева вела корабль с ювелирной точностью, огибая куски обшивки, дрейфующие контейнеры и целые секции корабля, которые медленно вращались, втягиваясь в радужную воронку.

— Восьмёрка по левому борту, — комментировал Чен, отслеживая препятствия. — Осторожнее, справа кусок двигателя. Хорошо идёшь, командир.

— Я знаю, — отозвалась Ева, не отрывая взгляда от курса. Модуль был уже виден невооружённым глазом — маленькая коробочка, дрейфующая в окружении более крупных обломков. К нему тянулись тонкие радужные щупальца от аномалии, но пока не доставали.

— Расстояние — пять километров, — доложил Чен. — Четыре. Три. Два.

— Вижу, — Ева сбросила скорость, переходя на ручное управление. — Манипуляторы в готовность.

— Готовы.

— Захват.

Чен работал манипуляторами с филигранной точностью, которой мог бы позавидовать любой ювелир. Механические руки медленно потянулись к модулю, обхватили его, зафиксировали.

— Есть контакт! — выдохнул он. — Захват стабильный.

Втягиваю в грузовой отсек.

— Отлично. Теперь уходим.

Ева развернула «Надежду» и дала полный ход прочь от аномалии. Корабль вздрогнул, набирая скорость, и через минуту радужное марево осталось позади.

— Фух, — выдохнула Ева, откидываясь в кресле. — Готово.

— Медики уже в грузовом, — доложил Чен. — Сейчас осмотрят нашего героя.

— Пусть осмотрят, — кивнула Ева. — А мы пока займёмся капсулами. Кейто, координаты?

— Вон там, — штурман указал на экран. — Три капсулы, дрейфуют группой. До них минут десять лёту.

— Вперёд.

Следующие полчаса прошли в привычной работе. «Надежда» подобрала все три спасательные капсулы, эвакуировала экипаж «Непобедимого» — тридцать семь человек, включая старпома Лопеса и навигатора Джин Пак. Все были живы, некоторые легко ранены, но в целом — в порядке.

— Это чудо, — сказал Кейто, когда последняя капсула была поднята на борт. — Тридцать семь человек выжили после такого. Обычно в таких крушениях...

— Знаю, — перебила Ева. — Но сегодня нам повезло. Им повезло. Давай лучше подсчитаем, сколько рапортов нам придётся писать после всего этого.

— Тысячи, — мрачно пошутил Чен. — Миллионы.

— Ближе к правде.

Ева передала управление Чену и поднялась, разминая затёкшие плечи.

— Я в лазарет, проведу нашего красавчика. Если что — вызывайте.

— Иди, — махнул рукой Чен. — Мы тут справимся.

В коридорах «Надежды» царила привычная суэта: медики тащили носилки, техники проверяли герметичность отсеков, кто-то из спасённых уже бродил по кораблю с потеряннным видом, пытаясь осознать случившееся. Ева ловила на себе благодарные взгляды, но не останавливалась — сейчас важнее было понять, что произошло с «Непобедимым» и насколько опасна эта аномалия.

В лазарете было шумно. Тридцать семь человек не могли поместиться в небольшом медицинском отсеке, поэтому легкораненых размещали прямо в коридоре, на раскладных койках. Ева пробиралась сквозь толпу, кивая знакомым медикам и огибая носилки.

Блэквуд лежал в отдельной палате — капитанская привилегия, даже если капитан остался без корабля. Рядом с ним сидел БАРМ, сканируя показатели с видом запредельной заботы.

— Как он? — спросила Ева, входя.

— Стабилен, — ответил робот. — Капитан приходит в себя. Физические повреждения незначительны. Психологические — предстоит оценить позже.

— Я слышу, как вы обо мне говорите, — раздался слабый голос с койки. — Можно я тоже поучаствую в разговоре?

Ева подошла ближе. Блэквуд смотрел на неё — серые глаза на бледном лице смотрели внимательно, изучающе.

— Лейтенант Стеллар, — узнал он. — Спасибо, что вытащили.

— Не за что, — Ева присела на край койки. — Работа такая. Как вы себя чувствуете?

— Как будто меня пережевали и выплюнули, — усмехнулся Блэквуд. — Но в целом — терпимо.

— Это пройдёт. Рассказывайте, что случилось.

Блэквуд закрыл глаза на мгновение, собираясь с мыслями, а потом начал рассказ. Коротко, ёмко, без лишних эмоций — настоящий военный рапорт. Аномалия, пузыри, потеря управления, гибель корабля, эвакуация.

— Я остался на мостике, чтобы запустить аварийные протоколы, — закончил он. — Пытался вытянуть корабль, но не вышло. Пришлось катапультироваться.

— Храбро, — сказала Ева. — И глупо. Вы могли погибнуть.

— Мог, — согласился Блэквуд. — Но не погиб. Благодаря вам.

— И благодаря вашему роботу, — добавила Ева, кивая на БАРМа. — Он отправил сигнал. Очень... креативный.

Блэквуд поморщился.

— Да, я знаю. Простите за это. БАРМ иногда перегибает

с юмором.

— Не извиняйтесь, — улыбнулась Ева. — Это было смешно. И, честно говоря, именно это сообщение заставило нас поторопиться. Обычно капитаны пишут сухо, стандартно. А тут — «заберите меня, красивого». Мы решили, что либо у вас отличное чувство юмора, либо вы в отчаянии. В любом случае — стоило проверить.

Блэквуд слабо улыбнулся.

— Рад, что наш юмор сослужил добрую службу.

— Ещё как сослужил. Ладно, отдыхайте. Завтра, когда придёте в себя, начнём писать официальные рапорты. Начальство будет требовать подробностей.

— Я готов, — Блэквуд попытался приподняться, но Ева мягко остановила его.

— Лежите. Успеете ещё нарапортоваться. Сейчас — отдых.

Она поднялась и направилась к выходу, но на пороге обернулась.

— И ещё, капитан... Райан. Ваша команда в безопасности. Все тридцать семь человек живы. Вы сделали всё правильно.

Блэквуд кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то — то ли благодарность, то ли облегчение.

— Спасибо, лейтенант.

— Ева, — поправила она. — Просто Ева.

И вышла в коридор, где её уже ждали новые заботы.

Чен встретил её на мостике с озабоченным лицом.

— Командир, есть разговор.

— Что случилось?

— Аномалия, — Чен указал на экран. — Она не исчезает.

И, кажется, движется за нами.

Ева всмотрелась в показания. Радужное пятно действительно медленно дрейфовало в их сторону, хотя «Надежда» ушла уже на приличное расстояние.

— Оно нас преследует? — спросила она.

— Не знаю. Может, просто расширяется. Но скорость расширения слишком высока для естественного процесса.

— Чёрт, — выдохнула Ева. — Кейто, связь со штабом. Пусть пришлют учёных, ксенологов, кого угодно, кто знает, как обращаться с такими штуками. Мы не можем везти это неизвестно что на базу.

— Есть, — отозвался штурман.

— А пока — уходим дальше. Максимальная скорость, курс от аномалии.

«Надежда» рванула вперёд, оставляя радужное марево позади. Но Ева кожей чувствовала — это не конец. Это только начало.

Где-то там, в глубине аномалии, пульсировала жизнь. Чужая, непонятная, опасная. И она явно не собиралась отпустить свою добычу просто так.

— Добро пожаловать в бардак, — пробормотала Ева себе под нос. — Пристегните ремни, будет весело.

Глава 7

— Стеллар, ты уверена, что это хорошая идея? — голос Чена в наушниках звучал скептически, что случалось с ним крайне редко. — Может, подождём, пока аномалия успокоится?

— Некогда ждать, — отрезала Ева, вглядываясь в показания сенсоров. — На мостике «Непобедимого» остались данные, которые могут объяснить, с чем мы имеем дело. Если мы их не заберём сейчас, через час они станут частью этой радужной каши.

— А если ты станешь частью этой каши раньше?

— Тогда будешь говорить мне «я же предупреждал». Готовь стыковку.

«Надежда» зависла в нескольких сотнях метров от того, что осталось от «Непобедимого». Корабль представлял собой жалкое зрелище — огромная туша, разорванная практически пополам, из разломов которой всё ещё вырывались вспышки и искры. Радужное марево пульсировало вокруг, медленно, но верно втягивая обломки в себя.

— Аварийный шлюз в секторе С, — доложил Чен, выводя на экран схему корабля. — До него примерно семьдесят метров по открытому космосу. Если стыковаться, то только там.

— Вижу, — Ева уже закладывала вираж, подводя «Надежду» к указанной точке. — Держись, сейчас будет весело.

Весёлым это назвать можно было с большой натяжкой. Стыковка к повреждённому кораблю в условиях нестабильной аномалии требовала не просто мастерства, а настоящего искусства. Ева работала штурвалом с ювелирной точностью, обходя обломки, уворачиваясь от дрейфующих контейнеров и постоянно отслеживая поведение пузыря.

— Левый маршевый — импульс, — бормотала она себе под нос, координируя движения корабля. — Правый подруливающий — полвперед. Тормозные — стоп. Есть контакт.

Стыковочный рукав «Надежды» коснулся аварийного шлюза «Непобедимого» с противным скрежетом, от которого у Евы заныли зубы. Металл заскрипел, застонал, но выдержал — захват сработал, герметизация подтвердилась.

— Есть стыковка! — выдохнула она, вытирая пот со лба. — Чен, давление в шлюзе?

— Атмосфера есть, но слабая, — доложил тот. — Примерно треть от нормального. Кислорода хватит, чтобы дышать, но лучше взять баллоны.

— Поняла. Я пошла.

— Стеллар, — Чен повернулся к ней, и в его глазах читалась неподдельная тревога. — Будь осторожна. Этот корабль может развалиться в любую минуту.

— Я всегда осторожна, — усмехнулась Ева, натягивая лёгкий скафандр. — Ладно, почти всегда. Иногда. Ладно, молчу.

Чен закатил глаза, но спорить не стал — бесполезно.

Ева вышла из рубки и направилась к стыковочному отсеку. По дороге к ней присоединились двое техников — лейтенант Харрис и прапорщик Вонг, оба опытные специалисты по аварийным работам.

— Командир, вы уверены, что нам нужно туда? — спросил Харрис, молодой парень с вечно взлохмаченными волосами и глазами, полными энтузиазма. — Корабль выглядит не очень.

— Потому и нужны, — ответила Ева. — Если не заберём данные сейчас, потом будет поздно. И да, Харрис, никакого героизма. Заходим, берём что нужно, уходим. Всё по инструкции.

— А если инструкция не учитывает радужные пузыри, которые едят корабли? — встрял Вонг, мужчина лет сорока с вечно ироничным выражением лица.

— Тогда импровизируем, — пожала плечами Ева. — Но в рамках разумного.

Они вошли в стыковочный отсек, проверили герметичность скафандров, переглянулись и открыли люк.

Первое, что ударило в нос — даже сквозь фильтры скафандра — запах горелого пластика. Ева поморщилась и включила внешние датчики.

— Воздух... странный, — прокомментировала она. — Кислорода мало, зато много продуктов горения. Хорошо, что мы в скафандрах.

— Атмосфера пригодна для дыхания? — спросил Харрис.

— Технически — да. Но лучше не рисковать. Включаем автономное питание.

Они двинулись вперёд, освещая путь фонарями, вмонтированными в шлемы. Внутри «Непобедимого» царил хаос.

Коридоры, ещё недавно сверкающие чистотой и порядком, теперь напоминали декорации фильма катастроф. Переборки были покрыты копотью, из разорванных кабелей сыпались искры, аварийное освещение мигало красным, создавая жутковатую атмосферу. Под ногами хрустели осколки пластика, стекла и чего-то ещё, не поддающегося идентификации.

— Красота, — прокомментировал Вонг. — Прямо как у меня дома после того, как дочка-подросток устроила вечеринку.

— У тебя дочь взрывает кабели? — уточнил Харрис.

— Нет, но бардак похожий. Только здесь ещё и искры.

Ева остановилась у развилки, сверяясь с картой на наручном планшете.

— Нам на мостик, — сказала она. — Это двумя уровнями выше. Лифты, скорее всего, не работают, так что пойдём по аварийной лестнице.

— Аварийная лестница обычно находится в заднице корабля, — заметил Вонг. — То есть в корме. То есть нам в противоположную сторону.

— Знаю. Но другого пути нет. Пошли.

Они двинулись дальше, и чем глубже проникали в ко-

рабль, тем сильнее становилось ощущение, что они идут по живому организму, который ещё дышит, но уже при смерти. Где-то в глубине раздавались стоны металла — корабль медленно скручивался под воздействием аномалии.

— Командир, — голос Харриса дрогнул. — А вы уверены, что мы успеем?

— Нет, — честно ответила Ева. — Но мы попробуем.

Они дошли до лестницы — узкого вертикального тоннеля, уходящего в темноту. Ступени дрожали под ногами, перила были горячими на ощупь.

— Я первая, — сказала Ева, начиная подъём. — Харрис за мной, Вонг замыкающий. Держим дистанцию три метра.

Подъём давался тяжело. Скафандры, хоть и облегчённые, всё равно сковывали движения, а постоянная дрожь корабля заставляла цепляться за перила мёртвой хваткой.

На полпути их настиг первый удар.

Корабль содрогнулся так сильно, что Ева едва не сорвалась вниз. Она вцепилась в перила, повисая на одной руке, и лихорадочно искала опору для ног.

— Все целы?! — крикнула она в коммуникатор.

— Жив! — отозвался Харрис снизу.

— Держусь! — это Вонг.

— Что это было?

— Аномалия сжимается, — голос Чена ворвался в эфир. — Стеллар, вам лучше поторопиться. Пузырь начал активную фазу.

— Вижу! — рывкнула Ева, подтягиваясь и продолжая подъём. — Ещё немного!

Она вылезла на следующий уровень первой и помогла подняться остальным. Перед ними был коридор, ведущий к мостику — и здесь разрушения были ещё сильнее.

Переборки оплавилась, в некоторых местах металл пошёл пузырями, как будто его обработали кислотой. Пол был усыпан обломками мебели и оборудования. А в конце коридора, у самых дверей мостика, что-то двигалось.

— Что это? — прошептал Харрис, вглядываясь в темноту.

Ева включила фонарь на полную мощность и чуть не вскрикнула.

Там, у дверей, лежало тело. Человеческое тело, скорчившееся в неестественной позе. Скафандр на нём был разорван, а из-под обломков торчала рука с обручальным кольцом на пальце.

— О боже, — выдохнул Вонг. — Кто-то не успел...

Ева подошла ближе, стараясь не смотреть на лицо. Мёртвые — не её профиль, для этого есть медики и психологи. Но профессионализм взял верх — она активировала сканер и считала идентификатор со скафандра.

— Лейтенант Капур, — прочитала она. — Инженерный состав. Должно быть, пытался добраться до мостика, чтобы перекрыть подачу топлива.

— Оставим здесь? — спросил Харрис.

— Сейчас — да. Потом вернёмся за ним. Если успеем.

Она перешагнула через тело и подошла к дверям мостика. Они были заблокированы — аварийная герметизация сработала, отрезав доступ к командному отсеку.

— Вонг, твой выход, — сказала Ева. — Вскрывай.

Прапорщик достал универсальный взломщик — устройство, которое могло открыть практически любой электронный замок за пару минут. Присоединил к панели, запустил программу.

— Три минуты, — сказал он. — Если повезёт.

— Если не повезёт? — спросил Харрис.

— Тогда пять. Или вообще никогда.

Они ждали, прислушиваясь к стонам корабля. Аномалия пульсировала где-то рядом, и Ева кожей чувствовала её присутствие. Та самая разумная сущность, о которой говорил Блэквуд, была здесь. Она наблюдала.

— Есть контакт, — сказал Вонг. — Открываю.

Двери мостика разъехались с противным шипением, и они вошли внутрь.

Мостик «Непобедимого» выглядел так, будто здесь прошёл ураган. Кресла были сорваны с креплений, голографические экраны разбиты, с потолка свисали пучки проводов. Но главное — центральный компьютер, казалось, работал.

— Чудо, — прошептал Харрис. — Как он уцелел?

— Бронированный корпус, — пояснила Ева, подходя к пульту. — Мостик проектировали так, чтобы выдерживать прямое попадание. Видимо, сработало.

Она подключила свой планшет к разъёму данных и запустила скачивание. Процесс пошёл, но медленно — слишком много повреждений.

— Пять минут, — сказала она. — Вонг, Харрис, проверьте соседние отсеки. Может, найдётся что-то полезное.

— Есть, командир.

Техники разошлись, а Ева осталась стоять у пульта, вглядываясь в мелькающие на планшете строки данных. Логи, отчёты, показания сенсоров — всё, что записал корабль за последние часы.

— Ну давай, — бормотала она. — Давай, родимый. Качайся быстрее.

Корабль снова тряхнуло, сильнее прежнего. Ева ухватила за пульт, удержалась на ногах, но планшет едва не выскользнул из рук.

— Командир! — голос Вонга в наушниках. — Нам пора! Аномалия близко!

— Вижу! — рявкнула она, глядя на шкалу загрузки. — Ещё минута!

— Нет у нас минуты!

— Будет!

Шкала ползла мучительно медленно. Пятьдесят процентов. Шестьдесят. Семьдесят. Корабль тряхнуло снова, с потолка посыпались панели.

— Восемьдесят! — крикнула Ева. — Восемьдесят пять!

— Стеллар!!! — это уже Чен на общей частоте. — Ано-

мания в ста метрах от вас! Уходите немедленно!

— Девяносто! Девяносто пять!

— КОМАНДИР!!!

— СТО!

Загрузка завершилась. Ева выдернула планшет, развернулась и побежала к выходу, на ходу крича:

— Уходим! Уходим! Уходим!

Они неслись по коридору, перепрыгивая через обломки, не глядя по сторонам. Корабль содрогался всё сильнее, стены оплавлялись прямо на глазах, воздух наполнялся едким дымом.

— К лестнице! — скомандовала Ева, сворачивая в знакомый проём.

Вниз они уже не шли — прыгали, скользили по перилам, падали и поднимались, гонимые страхом и адреналином. Вонг при падении расшиб колено, но продолжал бежать, не обращая внимания на боль.

Стыковочный отсек. Люк. Герметизация.

Ева влетела внутрь последней, захлопнула дверь и нажала кнопку отстыковки ровно в тот момент, когда радужное марево накрыло «Непобедимый».

— Пошла! — закричала она, и «Надежда» рванула прочь, отбрасывая стыковочный рукав, который тут же растворился в переливчатой мгле.

Они сидели в шлюзе, тяжело дыша, и смотрели в иллюминатор, как остатки гордого флагмана исчезают в радужной

бездне.

— Ни хрена себе, — выдохнул Харрис. — Ни хрена себе...

— Согласен, — кивнул Вонг, потирая ушибленное колено. — Командир, вы в своём уме?

— В своём, — ответила Ева, всё ещё не веря, что они успели. — В своём, но слегка повреждённом.

Она поднялась, отключила скафандр и направилась в рубку. На пороге обернулась:

— Молодцы, ребята. Работаем дальше.

И вышла, оставив техников переваривать случившееся.

В рубке её встретили аплодисментами.

— Bravo, Стеллар! — Чен хлопал громче всех. — Это было круто! Я уж думал, всё, прощай, командир!

— Рано прощаешься, — усмехнулась Ева, плюхаясь в кресло. — Я живучая.

— Данные скачала?

— А как же. — Она помахала планшетом. — Теперь у нас есть полная картина того, что случилось с «Непобедимым».

— И что там?

— Пока не знаю. Смотреть будем позже. Сейчас — уходим от аномалии и идём на встречу с флотом. Пусть учёные разбираются.

Она развернула кресло к иллюминатору и в последний раз взглянула на радужное марево, которое медленно таяло вдали.

— Прощай, «Непобедимый», — сказала она тихо. — Ты

был хорошим кораблём.

Где-то в глубине души шевельнулось странное чувство — смесь уважения к погибшему и страха перед неизвестностью. Но Ева отогнала его прочь. Сейчас главное — работа.

А с чувствами она разберётся потом. Когда-нибудь.

Глава 8

Когда Ева вошла в кают-компанию «Надежды», она ожидала увидеть что угодно: отдыхающих спасённых, пьющих чай, медиков, заполняющих карты, или даже самого Блэквуда, пишущего рапорт с видом оскорблённой доблести.

Она не ожидала увидеть капитана, стоящего на стуле с отвёрткой в руке и пытающегося выковырять робота из вентиляционной решётки.

— Да чтоб тебя, БАРМ! — рычал Райан, балансируя на шаткой конструкции. — Я же просил: не лезь в узкие места!

— Капитан, я не лез, — донеслось из-за решётки механическим голосом. — Я исследовал. Это разные понятия.

— Исследовал он! А теперь торчишь тут как... как пробка!

— Я не пробка, сэр. Я застрявший робот. Пробка — это винная принадлежность.

Ева замерла в дверях, наблюдая за этой сценой. Райан, всё ещё бледный после недавних событий, с пластырем на скуле и слегка заплывшим глазом, яростно сражался с вентиляцией. Его капитанский китель был перепачкан пылью, волосы растрёпаны, а выражение лица выражало крайнюю степень родительского отчаяния.

— Может, помощь нужна? — спросила Ева, не выдержав.

Райан вздрогнул, чуть не свалился со стула, обернулся и замер с открытым ртом.

— Лейтенант Стеллар! Я... э-э-э... это не то, чем кажется.

— А чем это кажется? — Ева с интересом разглядывала картину.

— Ну... — Райан покраснел. — Вообще-то это именно то, чем кажется. Мой робот застрял в вентиляции.

— Я слышала. Боевой Автономный Робот-Мурлыка, да?

— Именно. Сокращённо БАРМ.

— И часто он у вас... исследует вентиляцию?

— Впервые, — донёсся голос из-за решётки. — Обычно я исследую другие места. Например, каюту капитана. Там очень интересно.

— БАРМ, замолчи! — рявкнул Райан.

— Не могу, сэр. Мои вокальные функции не зависят от положения в пространстве.

Ева не выдержала и расхохоталась. Слишком абсурдной была эта сцена: героический капитан, только что потерявший корабль, стоящий на стуле и ругающийся с роботом, который философствует из вентиляции.

— Ладно, — сказала она, успокаиваясь и вытирая слёзы. — Давайте помогу. Что случилось?

Райан вздохнул и слез со стула, сдаваясь.

— БАРМ решил, что в вентиляции слишком пыльно, и попытался почистить. У него есть такая функция — автоматическая уборка. Но он не рассчитал габариты.

— Я рассчитал, — обиженно возразил робот. — Просто в расчётах была погрешность. Два сантиметра.

— Которые решили всё, — закончил Райан.

Ева подошла к решётке и заглянула внутрь. В темноте светились два оптических сенсора, глядящие на неё с несчастным выражением (насколько вообще робот может выглядеть несчастным).

— Привет, БАРМ, — сказала она. — Я Ева. Мы уже виделись, но неофициально.

— Очень приятно, лейтенант Стеллар, — отозвался робот. — Я наслышан. Капитан говорит о вас во сне.

— БАРМ!!! — Райан побагровел. — Я тебя отключу!

— Не можете, сэр. Я вам нужен. Кто ещё будет напоминать вам о днях рождения и вовремя подавать кофе?

Ева снова засмеялась. Этот робот определённо был сокровищем.

— Ладно, давайте думать, как его вытаскивать, — сказала она, оглядывая конструкцию. — Решётку снять можно?

— Пытался, — Райан указал на отвёртку. — Но она заклинила. Похоже, БАРМ своей тушей заблокировал крепление.

— Я не туша, — возразил робот. — Я эргономичная модель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.